

© 2012 г. А.С. КАСЬЯН

ОТРАЖЕНИЕ ПРАСЛАВЯНСКОЙ ФОНЕМЫ *Ы В СТАРОПСКОВСКОМ ДИАЛЕКТЕ РАЗГОВОРНИКА Т. ФЕННЕ КАК АРХАИЗМ*

В первой части статьи рассматриваются способы графической передачи рефлексов праславянской фонемы *ы в русско-нижненемецком торговом разговорнике, отражающем диалект Пскова начала XVII в. Предлагается следующая интерпретация фонетических рефлексов *ы: [ui] ~ [ü] в позиции после губных согласных, [ɨ] – в остальных позициях. Во второй части статьи анализируются основные случаи огубленной рефлексии фонемы *ы в славянских языках. Автор показывает, что реконструкция дифтонга *ui как стадии, предшествующей монофтонгу *ɨ, является наиболее экономичным и системным решением.

1. ОТРАЖЕНИЕ СЛАВЯНСКОГО *Ы В РАЗГОВОРНИКЕ Т. ФЕННЕ¹

Русско-нижненемецкий разговорник, датированный 1607 г., был составлен с практическими целями ганзейским купцом Тённисом Фенне в Пскове; см. издания памятника [TF] и [Hendriks, Schaeken 2008a], текстологическое и лингвистическое исследование [Hendriks 2011]. Текст рукописи представляет собой русские слова, фразы, иногда небольшие тексты, переданные латиницей и сопровождаемые нижненемецким переводом².

* Я благодарен моим коллегам М.А. Живлову, И.Б. Иткину и Ф.Р. Минлосу (Москва), внимательно прочитавшим рукопись статьи и высказавшим ряд ценных и содержательных уточнений, исправлений и дополнений. Также за дискуссии по некоторым частным моментам я благодарю Н.А. Бондарко (Санкт-Петербург) и всех участников VII Международного семинара по балто-славянской акцентологии (Москва, 07–09.07.2011), где эта статья была впервые представлена в виде доклада.

В тексте все реконструкции записываются латиницей, за исключением одной праславянской фонемы, фонетическая реализация которой и является темой исследования. Во избежание двусмысленности или же излишней громоздкости формулировок эта праславянская фонема часто записывается как *ы.

¹ Ниже ради технического удобства авторство памятника приписывается самому Т. Фенне, несмотря на то, что, конечно, двадцатилетний любекский купец был скорее только заказчиком разговорника, а имя настоящего автора (видимо, соотечественника Фенне) до нас не дошло [Hendriks 2011: 29 ff., 297 ff.]. Опять же ради удобства и сохранения традиции этот исторический персонаж именуется Фенне, хотя предпочтительное чтение его фамилии – Фонне (Fonne), см. [Ibid.: 297 ff.].

² Кроме латиницы, Фенне использовал также и кириллицу. В особенности это касается занимающего значительную часть рукописи тематического словаря (л. 31–184), где почти для каждого слова Фенне дает и латинскую, и кириллическую запись. Статус форм, исполненных кириллицей, не вполне ясен. Есть основания полагать, что такие формы смешанно отражают как фонетический облик русских слов в данном диалекте, так и стандартизованную (наддиалектную) старорусскую орфографию, а часто, вероятно, являются просто результатом механического пересчета из уже готовой латинской транскрипции. Ниже по этой и по некоторым другим причинам кириллические формы исключены из рассмотрения.

Имеются веские основания считать, что текст разговорника не является полностью гомогенным. Видимо, Фенне при работе над рукописью не только пользовался услугами некоего информанта – носителя языка, но и обращался к аналогичным словарям и разговорникам, составленным его предшественниками; см. об этом [Hendriks, Schaeken 2008b; Hendriks 2011: 57 ff., 298], а также [Bolek 1997; Хорошкевич 2000; Минлос 2001]. Тем не менее в массе своей формы и фразы, записанные Фенне, явно отражают один диалект, принадлежавший к псковско-новгородской группе (ср., например, частое окончание *nom. sg. m. -e* [Schaeken 1992], спорадическое *Kl < *Tl* [Hendriks 2011: 131 ff.] и некоторые другие характерные черты [Галинская 2002: 87]).

Базовые, т.е. наиболее частотные, соответствия между нормализованной кириллической записью и интересующей нас частью латинского алфавита Фенне таковы³:

в	ff / v ~ u
у	u / v
ю	u ~ ü
и	i
[i]	i ~ y
ы	y ~ i / ui ~ ü ~ u ~ üi

Что касается передачи *v*, то общая тенденция такова: в позиции перед согласным (любым) и на конце слова выписывается *ff*; в позиции перед гласным употребляются буквы *v*, реже *u* и еще реже *w* (подробное рассмотрение данного вопроса выходит за рамки настоящей работы, см. также [Hendriks 2011: 89 ff.]).

Нормальной (ожидаемой) функцией букв *u* и *ü* у Фенне является передача русских [u] («у»), [ü] («ю») и [v] («в», где буква *u* конкурирует с буквой *v* и совсем редкой *w* без какого-либо бросающегося в глаза правила распределения). Приведем статистику по использованию букв *u* и *ü* для передачи [u] («у») и [ü] («ю»):

- *u* для «у» (*passim* в неначальной позиции⁴)
- *ü* для «у» (1×?)
- *u* для «ю» (*passim*; например, *ludü* «люди»)
- *ü* для «ю» (22×; например, *vgrüm* «угрюм»)

В нижненемецком тексте Фенне использует букву *ü* еще более редко (15×) и непоследовательно, но обычно для форм Фенне с буквой *ü* имеются современные нижненемецкие диалектные соответствия с огласовкой вида [ü]. Например, *dünn* «тонкий» (совр. н.-нем. *dünne*, *dönn*, совр. в.-нем. *dünn*), *bestür* «препятствовать» (совр. н.-нем. *stören*, совр. в.-нем. *steuern*) и т. п., см. также [Prowatke 1988: 127–128]. Такое смешение ганзейской орфографии (где буква *ü* стандартно не использовалась) и верхненемецкой нормы (с обычным употреблением *ü* для [ü]) объясняется поздним характером памят-

³ Знак «~» в таблице означает, что какое-либо очевидное распределение между графическими вариантами отсутствует. Знак «/» обозначает наличие распределения или очевидной тенденции к распределению.

⁴ В начале слова для [u] «у» используется латинское *v*, что совпадает с аналогичной дистрибуцией в средненемецком тексте, где [u] обычно передается как *v* в начальной позиции и как *u* в неначальной [Prowatke 1988: 122 ff.]. Так как орфография нижненемецкого текста была для Фенне очевидным образом первична, нет оснований видеть в регулярных написаниях вроде *vteiu* «умею» отражение псковско-гдовского диалектного перехода *uC- > wC-* (например, *вмею*, см. о таких формах [Галинская 2002: 98, с лит.]), вопреки [Глускина, Большакова 1988]; другие контраргументы см. в [Hendriks 2011: 133–134].

ника. Очевидно, что буква *ÿ* означала для Фенне в первую очередь звук типа [ü], т.е. достаточно близкий эквивалент русского [ü] «ю».

Нормальной функцией буквы *ÿ* (простая буква *y* используется только в записи нескольких текстов на латинском и польском языках в начале и конце рукописи) в орфографии Фенне является передача [i̥], [i̥] и весьма редко [i]⁵ без какого-либо бросающегося в глаза распределения с буквой *i*. Примеры на *ÿ* многочисленны: *maÿ* «май» (месяц) 35.7, *korovÿi* «коровьи» 111.6, *tÿ* «ты» *passim*, *polÿn* «попынь» 65.19, *prityÿ* «прийти» 203.16 и т. п. Сюда же примыкают частотные случаи вроде *romÿislenÿ* «помысленный» 401.7 или *belÿi* «белые» 112.4, где лигатура *ÿ* (< *i* + *j*) случайно выступает в своей исторической функции как [i̥i̥], или же *taÿt* «таить» 331.14, где *ÿ* = [i̥i̥]. Можно сказать, что в целом Фенне старался использовать *ÿ* для записи звуков / комбинаций звуков типа [i̥], но не собственно [i̥]. В нижненемецком тексте схожая ситуация: стандартная функция буквы *ÿ* – передача [i̥] и [i̥], см. [Prowatke 1988: 119–120, 126, 128–129, 142].

В свою очередь, нормальной (ожидаемой) функцией сочетания букв *u/ÿ* с *i/ÿ* является передача [ui̥] «уй», [ui̥i̥] «уи», [üi̥] «юй», [vi̥] «ви» (о передаче сочетания «вы» см. ниже). Примеры многочисленны: *ruschuii* «русскую», *nogui pottka* «ногуй-птица» (грифон), *romiluitt* «помиляет», *musquitin* «москвитин» (москвич), *louitt* «ловить» и т. д.

В нижненемецком тексте Фенне использует сочетание *u/ÿ* с *i/ÿ* редко: *ui* (12×), *uÿ* (1×). Во всех случаях подобное сочетание передает [wi̥]: например, *scheuich* «ветхий» (совр. н.-нем. *schreevich*, совр. в.-нем. *schäbig*), *suluige* «сам» (совр. н.-нем. *sülvig*, совр. в.-нем. *selbig*) и т. п.⁶

Что же касается *y*, то в диалекте, описанном Фенне, славянское **y* в общем случае дает монофтонг вида [i̥], но в позиции после губных согласных – дифтонг вида [ui̥].

Графически **y* после губных согласных передается следующим образом (не учитываются императивные формы глагола *быть*, о которых см. ниже):

- *ui* (135×, 18 морфем⁷; например, *buik* «бык»)
- *ÿ* (66×, 6 морфем⁸; например, *kabÿla* «кобыла»)
- *u* (50×, 9 морфем⁹; например, *mulno* «мыльня» «баня»)
- *ÿi* (19×, 5 морфем¹⁰; например, *mÿita* «мыта» «налог»)
- *uÿ* (3×, 3 морфемы¹¹; например, *kabÿÿ* «кабы»)
- *ÿÿ* (1×; исправление *mÿÿser mÿisel* «мысль»)

Очевидных правил распределения между перечисленными графическими вариантами не прослеживается, хотя некоторые закономерности можно вывести: например, перед следующим смягченным согласным или на конце слова чаще выписывается ди-

⁵ О *ÿ* = [i̥] см. [Крысько 2006: 101] (со статистически неверным утверждением об «обычности» *ÿ* в значении ударного [i̥] не в соседстве с [i̥]).

⁶ В ранней средненижненемецкой графике буквенное сочетание *ui* может использоваться для передачи *ÿi̥* [Peters 1973: 86], но это, конечно, не случай Фенне (хотя см. ниже раздел исключений о редком графическом *ui* на месте русск. «у»/«ю»).

⁷ *мысл-/мышл-* («мыслить» и т. д.), *мыт-* («мытарь»), *смык-/измык-* («смычник», «змычен»), *быстр-* («быстр»), *пыл-* («пыль»), *мыш-* («мышь»), *бык-* («бык»), *копыт-* («копыто»), *вы-* (приставка), *быг-* («выбыгмо» «высушенный лен»), *мы-* («мыться»), *мыл-* («мыло»), *бы-* («быть» и т. д.), *быт-* («убыток»), *-бы* («как бы» и т. д.), *мы* (местоим.), *вы* (местоим.), а также *плы-* («проплывать» 1×).

⁸ *кобыл-* («кобыла» и т. д.), *бык-* («быковинный»), *бы-* («был», «добывать» и т. д.), *быт-* («убыток» и т. д.), *обыч-* («обычай» и т. д.), *шпын-* («шпынь»).

⁹ *мысл-/мышл-* («промысел» и т. д.), *мыт-* («промыта» «пеня»), *мы-* («рукомыйник»), *мыл-* («мыльня»), *бы-* («быть» и т. д.), *быт-* («убыток» и т. д.), *обыч-* («обычай» и т. д.), *мы* (местоим.), *пыт-* («пытаю» и т. д.).

¹⁰ *мысл-* («мысль» и т. д.), *мыт-* («мыта»), *мы-* («мыть»), *бы-* («сбыть» и т. д.), *-бы* («что бы» и т. д.).

¹¹ *измык-* («измыкать»), *-бы-* («забыть»), *-бы* («кабы»).

фтонг, чем монофтонг¹². Видимо, все эти графические варианты отражают одну и ту же дифтонгоидную фонему вида [ui], которая может стягиваться во что-то вроде [ü] в определенных сегментных, акцентных или фразовых позициях или же при беглом произношении. Ниже эта фонема будет обозначаться как /ui/.

В других позициях (т. е. не после губных согласных) *ы передается как *i* или *ü* (passim; например: *sin* «сын», *tü* «ты» и т. п.).

Указанное выше правило рефлексии *ы как /ui/ (т. е. [ui] или [ü]) проводится в орфографии Фенне весьма последовательно (со статистической точки зрения), однако есть и ряд исключений:

1) нелабиализованный рефлекс *ы после губных:

- местоименная форма *мы* чаще пишется как *mü* (59×) – против регулярных *mi* (14×), *ti* (1×). Вероятное объяснение: базисное местоимение *mü* было для Фенне орфограммой, усвоенной из каких-либо письменных источников, которыми купец пользовался при изучении русского языка¹³. На орфографический характер написания *mü* недвусмысленно указывает тот факт, что при высокой частотности *mü* Фенне ни разу не использует статистически ожидаемое написание **mi*.
- корень *мык-* ('открыть, закрыть') всегда выписывается через *mi*: *ne samikai* «не замыкай» (1×), *samikatt* «замыкать» (1×), *otominuta* «отомыкнута» (отомкнута) (1×), *otomine* «отомыкни» (отомкни) (1×). Такая последовательность в передаче данного корня (отсутствие написаний *mü-*) могла бы говорить о его особом фонетическом облике – *мик-*, хотя никакие другие источники русского языка как будто не подтверждают здесь огласовку *i*¹⁴.
- энклитическая частица *бы* в составе союза «чтобы» в половине случаев выписывается через *i/ü*: *tztobi* (4×), *stobi* (1×), *tzto bü* (1×). Ср. регулярные формы: *chto büi* (1×), *sztobüi* (1×), *stobüi* (1×), *tztobui* (2×), *stobui* (1×).
- Форма *popütat* «попытать» (1×). Но ср. регулярные *putaies* «пытаешь» (2×), *putalli* «пытал» (4×), *putai* «пытай» (2×), *putaia* «пытаю» (sic, 1×), *poputat* «попытать» (2×), *vüputal* «выпытал» (1×).

2) лабиализованный рефлекс *ы не после губных:

- *lus* «лыс» (1×) в сочетании *konni lus* (ср.-н.-нем. *de perde bleß* 'белая отметина на лбу у лошади', см. [Schiller, Lübben 1875–1881, 1: 356]). Псковск. *lus*, видимо, представляет собой субстантив м. р. *лыс* 'белое пятно на лбу животного', производное от русск. диал. *лысый* 'имеющий светлое пятно на голове или морде' [ПОС 17: 251] (это существительное как будто не отмечено в других русских источниках именно с таким значением, но имеет точные параллели в ряде славянских языков: серб.-хорв. *līs*, польск. диал. *lys* и др. [ЭССЯ 17: 48]). То есть *konni lus* = *конный / конний лыс* (см. [ПОС 15: 167] о прилагательном *конный / конний* в функции литературного *конский*)¹⁵.
- *golusniva* 'проплешина (на беличьей шкуре)' (1×). В [Зализняк 1998: 251] интерпретируется как *голызнива* (ср. диал. уральск. *голызина* 'проплешина на меховой

¹² Наблюдение И.Б. Иткина (устное сообщение).

¹³ Об образованности Фенне, его интересе к грамматике и вообще об общей системности его мышления свидетельствуют «грамматический» раздел разговорника (л. 131–184) и грамматические таблицы на л. 131–132, 145–155, 457, 545–566, сопровождаемые латинской номенклатурой. «Грамматические» разделы присутствуют и в других известных разговорниках, восходящих к тому же протографу, однако же они более краткие, чем у Фенне (см. [Hendriks, Schaecken 2008b: 222–224]), и при отсутствии контраргументов можно считать, что автором «грамматического» раздела был в значительной степени сам Фенне.

¹⁴ Интересно, что у Фенне этот корень противопоставляется второму русскому корню *мык-* 'теребить', последний регулярно выписывается с [ui] < *ы: *smuitzenik* «смычник» 'скрипач' (1×), *smuitzen* «измычен» 'помят, потаскан' (1×), *smuikatt* «измыкать» (1×).

¹⁵ В [TF 3: 136] предлагается интерпретация *лысь* (ж. р.), что явно хуже и морфологически, и синтаксически. В [TF 2: 54] *konni lus* интерпретируется как *конь лыс* (сочетание с прилагательным), что также неудачно.

шкуре' и прочие производные от *голыз*- [СРНГ 6: 345]), однако, наверное, можно предположить и исходную форму *голушнива* от **голуха* или **голуша* (в конечном итоге к тому же корню *гол*- 'голый').

- *malumi* «малыми» (1×).
- смешением падежей объясняются написания *toi tzeni* «той цены» (4×) и *besz meru, bes meru* «без меры» (2×). Иногда встречающееся написание итеративного суффикса *-ыва-* как *-ива-* также явно отражает морфологию, а не фонетику: *otmanuvat* «обманывать» (2×), *skasuval* «сказывал» (5×) – суффикс здесь должен интерпретироваться как [ova] (буква *и* на месте *о* очень часто встречается у Фенне), ср. *otzenovat* «оценивать» 390.9.

3) графическое *ui* на месте русск. «у» ~ «ю» (8×):

- для «у» после губных: *besz tuiki* «без мýки» (1×), *vuitri* «в утре» 'утром' (1×), *puiste* «пуст» (1×), *viszbui* «в избу» (1×).
- для «ю» в различных позициях: *kluitza* «ключа» (1×), *ffzui notz* «в сю ночь» (1×), *bluil* «блюл» (2×).

4) другие случаи:

- *ot tzenui* «от цены» (1×) – очевидная форма **ot tzeni*, искаженная под влиянием формы асс. sg. *tzeni*, неоднократно повторяемой в этой части разговорника.

Не должны считаться исключениями следующие системные случаи:

- /ui/ (т.е. графическое *ui*, *üi*, *ü*) на месте русск. «у» в императивной форме глагола *быть* (и императивных формах соответствующих префиксальных глаголов): *buit* «будь» (4×), *buitt* «будь» (3×), *büit* «будь» (1×), *sabuidi* «забудь» (1×), *sabuitt* «забудь» (1×), *dabüt* «добудь» (2×). При этом формы настоящего (т.е. будущего) времени от этих глаголов выписываются через регулярное *u*: *budu* «буду» (11×), *budes* «будешь» (4×), *budett* «будет» (6×), *budet* «будет» (53×), *buden* «будет» (sic; 1×), *bude* «будет» (4×), *budem* «будем» (2×), *budeti* «будете» (1×), *budut* «будут» (1×), *sabudett* «забудет» (1×), *sbudis* «сбудешь» (1×), *sbuditzi* «сбудется» (1×), *dabudu* «добуду» (6×), *dabudes* «добудешь» (1×), *pribudet* «прибудет» (1×). Такое статистическое распределение по грамматическим формам говорит о том, что в случае императивов вида *buit* «будь» мы имеем дело не с ошибками Фенне, а с неким морфологическим процессом: императив *будь* выровнял свою огласовку по вокализму инфинитива *быть* (если принять, что конечный *-i* уже отпал и в инфинитиве *быть*, и в императиве *будь*, то можно считать, что у бытийного глагола в функции императива использовался инфинитив). Наконец, упомянем императивную форму *sabuidi* «забудь» (1×), которая, как теперь видно, представляет собой не стандартное *забудь*, а *забыдь* (о частотной передаче **ы* буквой *и* с фонетическим значением [ü] см. выше)¹⁶.
- превалирующее написание *vÿ* (passim) или *vi* (18×) на месте русского «вы»: *vÿdra* «выдра», *vÿsoko* «высоко», *visokumliff* «высокоумлив», *vinum* «в ином» и т. п. Поскольку в орфографии Фенне буква *v* использовалась и для передачи [u] перед

¹⁶ По данным [ПОС], императивы *быдь* и *быдьте* употребляются и в современном псковском диалекте. В первую очередь они характерны для формул «будь добр / дорогой / золотой» (формы вежливой просьбы) и «будь здоров». Примеры на *быдь добрый / добре / доп / добренький, быдьте добры / добрыми* см. в [ПОС 9: 84, 90], а также в других статьях: *быть добрый, выреш мне волосы 'подстриги меня'* [ПОС 6: 49], *быдь добрая, дай граблѣшак 'грабли'* [ПОС 7: 168], *быть дѣрага, дай троицку 'трѣшку?'* [ПОС 9: 166], *Колинька, быть ты золотой, скампасируй 'прокомпостируй' мне билет* [ПОС 13: 94] и т. д. Примеры на *быдь здоров!* см. в [ПОС 12: 302, 304]. В иных контекстах: *а таперь, быть хыть нишший, могиш выучыцца 'получить образование?'* [ПОС 2: 238], *ня быть я, што буду ф такой мзги 'грязи' жыть* [ПОС 18: 216]. Также частотна огласовка *ы* в морфеме *-нибудь*, образующей неопределенные местоимения, ср. *кто-нибыдь* [ПОС 16: 307], *коли-небыть* [ПОС 14: 375], *гди-нибыдь* [ПОС 4: 33 sub *вишеньюг*] и т. п. Употребление таких императивов преимущественно в формульных выражениях и застывших морфологических контекстах должно говорить об архаизме, а не об инновации.

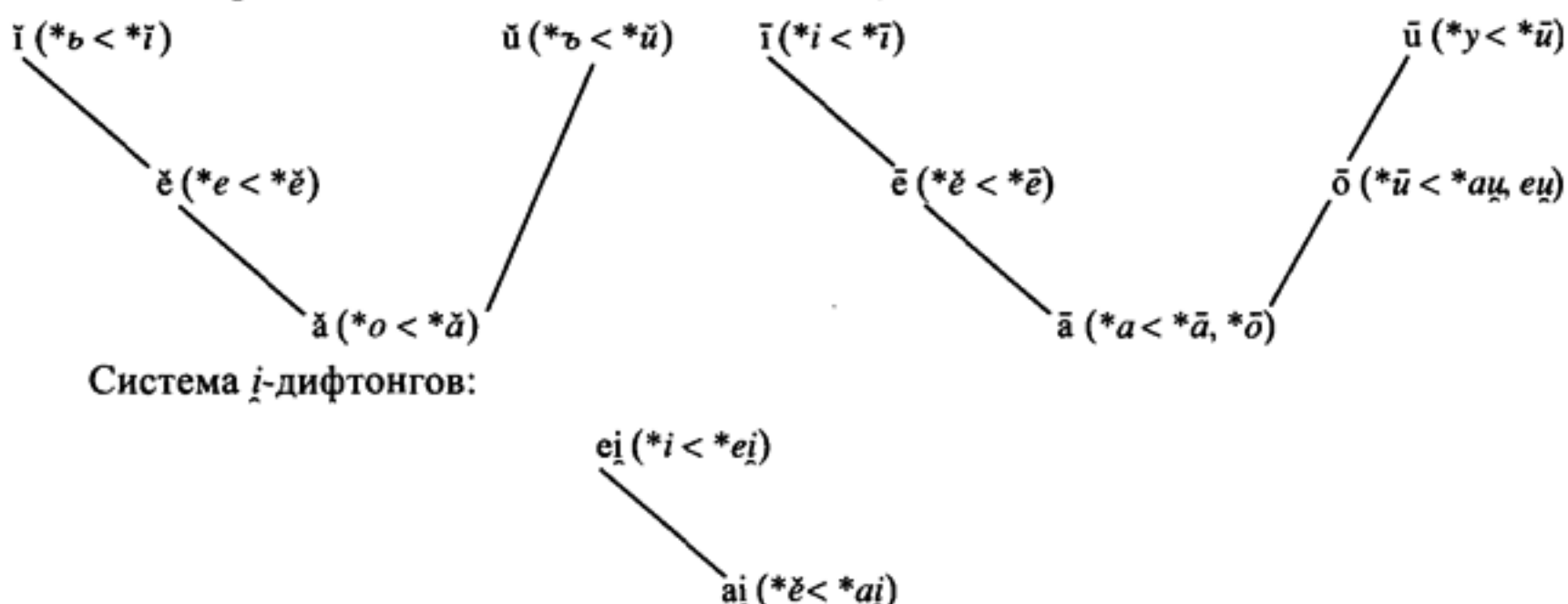
гласной, то нет нужды считать, что в позиции после [w] рефлекс *ы имел неогубленный характер. Ср. и редкие написания через *vui/wui* (4×): *vuipregai* «выпрягай», *viikinut* «выкинем», *vui* «вы», *wiibuikma* «выбыгмо». Логично предположить, что губной компонент [ui] перед [w] звучал более слабо, сливаясь с предшествующим сонантом, и Фенне считал плеонастическим выписывать в таких случаях *vui*.

- передача именных флексий gen. sg. f., nom. pl., acc. pl. через букву *i* или *ü* в основах на губные: *rŭbi* «рыбы» (gen. sg.), *dumi* «думы» (gen. sg.), *subŭ* «зубы» (nom. pl.), *krupi* «крупы» (nom. pl.) и т. п. Можно считать, что у всех именных основ уже общилась «наддиалектная» флексия -ы.

2. МЕСТО ФОНЕМЫ *Ы В СИСТЕМЕ ПРАСЛАВЯНСКОГО ВОКАЛИЗМА

Представляется, что славистика накопила уже достаточно данных, чтобы переформулировать традиционную систему праславянского вокализма¹⁷ на момент перед выделением так называемых кривичей в отдельный диалектный кластер (т.е. на начало – середину 1-го тыс. н. э.¹⁸).

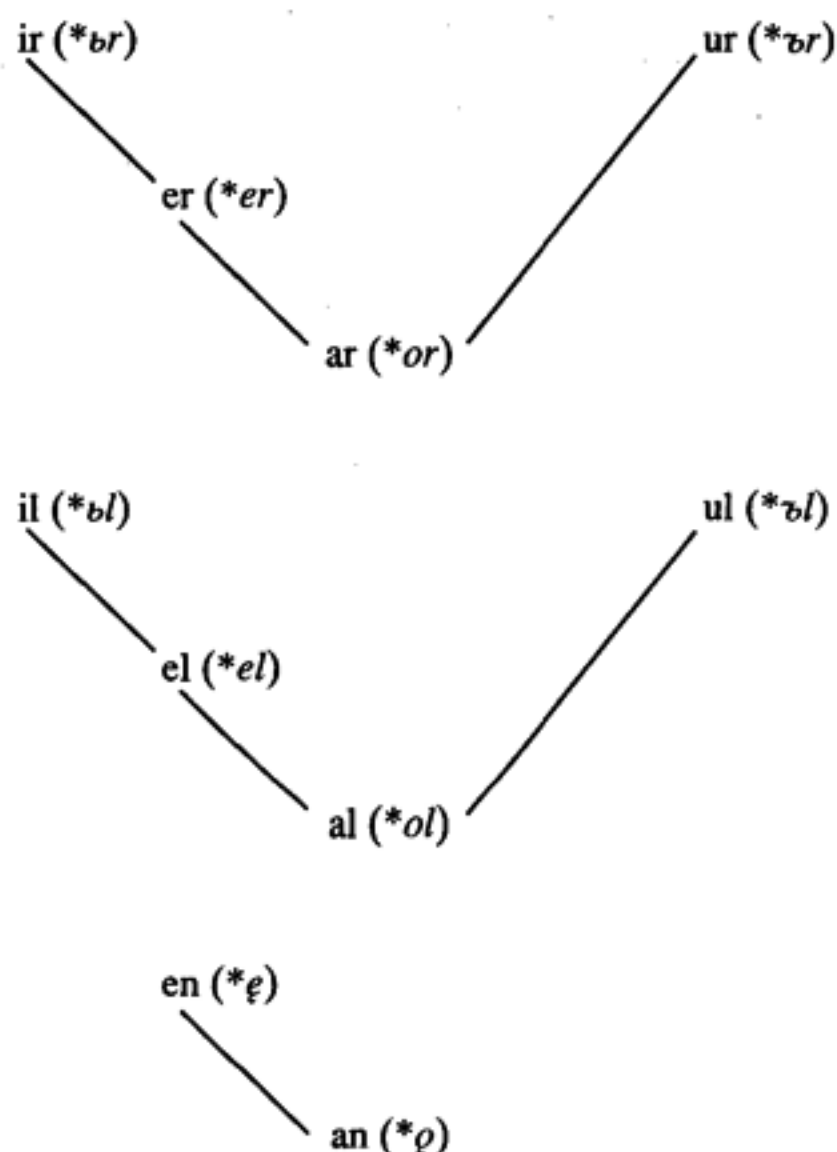
Фонологически система праславянских монофтонгов состоит из двух почти симметричных треугольников стандартного вида, противопоставленных по признаку долготы–краткости (в скобках указаны традиционные славистические обозначения, а после знака перехода – балто-славянские этимоны).

¹⁷ Традиционные таблицы праславянских гласных фонем см., например, в [Нахтигал 1963: 65] или [Sussex, Cubberley 2006: 111].

¹⁸ Продуктивной представляется гипотеза о том, что древнейшие славянские языковые контакты с прибалтийско-финскими племенами (в [Николаев, Хелимский 1990/2000: 331] предлагается дата VI–VII вв. н. э. или несколько позже; в [Кулешов 2010] – VII–X вв. н. э.) отражают уже специфические «пракривичские» фонетические или морфологические черты, что, однако, сегодня нуждается в дополнительном обосновании. Речь обычно идет о различии старых *o*- и *u*-основ (> прибалт.-финск. *-a vs. *-u), отсутствии «второй» палатализации и рефлексации *Tl как Kl. Необходимо иметь в виду, что, строго говоря, все эти феномены могут быть объяснены и исходя из непосредственно «общеславянского» языкового состояния. Передача темы у славянских *o*-основ (точнее: у *ǎ-основ) как прибалт.-финск. *-a точно соответствует праславянской фонетике; изоглосса «второй» палатализации производит впечатление позднего и не общеславянского явления (от сценария В. Вермеера следует, видимо, отказаться, см. ниже сноску 25), а развитие Tl > Kl имело место и внутри собственно прибалтийско-финских, как показывает материал германских заимствований, см. [SSA 2: 185 sub *tuula*]. В связи с последним утверждением интересно отметить, что исходя из теории языковых контактов это развитие (внутри более обширной «циркумбалтийской» изоглоссы Tl > Kl) можно было бы считать прибалтийско-финским явлением, усвоенным «пракривичским» диалектом в процессе перехода субстратных прибалтийско-финских племен на соответствующий восточнославянский язык (подробнее о теоретическом аспекте контактов между финно-угорскими и славянскими языками см. [Thomason, Kaufman 1988: 238–251]).

Системно как дифтонги следует трактовать сочетания вида *VR*:

Схожие (но не идентичные) формулировки праславянских монофтонгов предлагались еще в середине прошлого века, см. [Mareš 1956; 1965] и в особенности [Kiparsky 1963: 82] (хотя В. Кипарский постулировал подобную систему для «прарусского», а не праславянского как такового). Далее об этом см. [Shevelov 1964], многочисленные статьи Г. Хольцера, например [Holzer 2003], [Кулешов 2010] и обзор литературы в [Ваахтера 2009: 69 и сл.]. Фактически идентичная вышеприведенной табличная интерпретация уже дается в новой исторической грамматике сербохорватского языка [Matasović 2008: 113].

Комментарии к схемам

2.1. Легко видеть, что в предлагаемой выше формулировке праславянская система гласных обладает не слишком существенными отличиями от вокализма балто-славянской эпохи. Фонологически значимыми инновациями являются совпадение долгих **ō* и **ā* в неогубленном **ā*¹⁹, стяжение *и*-дифтонгов в **ō*, а также упрощения в подсистеме сочетаний *VN*: балто-слав. **in, it, en, et* > слав. **en*, балто-слав. **in, it, an, at* > слав. **an*.

2.2. Статус редких фонем **ʁ* (окончание gen. pl.), **ə* (> «кривичское» окончание nom. sg. m. *-e* у старых **o*-основ) и **ǣ* (носовой ять) дискуссионен. Так как эти фонемы постулируются в первую очередь для объяснения некоторых флексий именной парадигмы, представляется более правильным не усложнять фонемный инвентарь праславянского языка, а реконструировать для данных флексий некие сочетания вида *VC#*, которые упростились различными путями уже в отдельных славянских диалектах как следствие ареальной изоглоссы «открытых слогов».

¹⁹ В раннем праславянском, впрочем, оппозиция между континуантами балто-славянских **ō* и **ā* еще присутствовала [В. Дыбо 2004: 96 и сл.].

2.3. Долгота монофтонгов. Типология вокалических систем с противопоставлением по долготе подсказывает, что вряд ли различия между кратким и долгим треугольниками сводились только к количественным характеристикам. Видимо, существовали и тембровые различия (например, краткие гласные артикулировались ближе к центру). Но главный вес в **фонологической** оппозиции имело именно бинарное противопоставление по долготе.

Такая квантитативная формулировка вокализма поддерживается:

- 1) внешним сравнением (ср., например, слияние и.-е. **ǫ*, **ǣ* > **ā* в ближайших к славянской семьях – балтийской, индоиранской, германской);
- 2) внутренней славянской морфонологией (например, вокалические пары, образующиеся при ступени продления) и акцентной реконструкцией (см. многочисленные работы В.А. Дыбо, например [В. Дыбо и др. 1990; 1993]);
- 3) данными заимствований между древними славянскими и соседними языками. См. [Kiparsky 1934; 1975], беглые обзоры в [Shevelev 1964: 152 ff.; Holzer 2002: 553], а также [Vaillant 1964: 31 ff.; Ваахтера 2009: 72]. Подробнее о заимствованиях из германских языков в славянские и в обратном направлении см. [Kiparsky 1934; Bellmann 2004; Pronk-Tiethoff 2010, с лит.]; из паннонского в старовенгерский – [Хелимский 1988/2000; Stachowski 2009]; из восточнославянских в прибалтийско-финские – [Kalima 1956; Кулешов 2010; Plöger 1973; Bjørnflaten 2006; Holzer 2006; Kallio 2006]; между восточнославянскими и балтийскими – [Skardžius 1931; Holzer 2006, с лит.]; из тюркского в южнославянский – [А. Дыбо 2011]; из славянского в среднегреческий – [Vasmer 1941/1970; Kiparsky 1934: 124 ff.; Тохтасьев 1998; Тохтасьев (в печати); Skach 2008; Budziszewska 1991]; из славянского в раннеалбанский – [Svane 1992; Ylli 1997; 2000; Orel 1998];
- 4) стяжение *ъ + о > а* в берестяных грамотах и других памятниках псковско-новгородского ареала, т.е. случаи с проклитиками вроде *в асьмыи* «в восьмой», см. [Зализняк 1993: 260–263; 2004: 74] (возможно, через промежуточную стадию *о + о*, которая также отмечена в псковско-новгородских источниках).

Есть и другие примеры, автор не ставит целью обозреть все прямые или косвенные свидетельства.

В истории отдельных славянских языков долготные различия утрачивались, а основной фонологический вес переносился на тембровые характеристики. Процесс этот, однако, носил постепенный характер и протекал в славянских диалектах не синхронно. Заимствования из тюркского или в старовенгерский показывают, что квантитативная характеристика была главным фонологическим признаком в некоторых восточно- и южнославянских диалектах еще в начале 2-го тыс. н. э. Можно предположить, хотя это и нуждается в отдельном обосновании, что в каких-то языках процесс утраты старого квантитативного противопоставления следовал за падением «редуцированных» (которые были в абсолютном измерении сверхкраткими – закрытые гласные стандартно имеют более краткое произношение, чем средние или открытые).

2.4. *i*-дифтонги. Во всех известных славянских языках рефлексы дифтонгов **ai* и **ei* совпали с рефлексами **ē* и **ī*, однако особый фонологический статус праславянских дифтонгов **ai* и **ei* подтверждается несколькими группами фактов.

- 1) Как продемонстрировано в [Кулешов 2010], в «раннекривичском» диалекте (2-я пол. 1-го тыс. н. э.) рефлекс дифтонга **ei* имел вид *ē*, противопоставляясь, с одной стороны, закрытому *ī* (< **ī*), а с другой, открытому *ē* (< **ē*, **ai*). Такая тройная оппозиция передних долгих монофтонгов *ī : ē : ē* следует из передачи восточнославянских заимствований в прибалтийско-финских языках. Ср. примеры

В.С. Кулешова²⁰: прибалт.-финск. **sīvat:a* 'домашний скот'²¹ (~ русск. *живот*) : прибалт.-финск. **mēro* 'мир, община'²² (~ русск. *мир*) : прибалт.-финск. **mārā* 'мера'²³ (~ русск. *мера*) и т. п.²⁴

- 2) В заимствованиях из готского (1-я пол. 1-го тыс. н. э.) гот. *ai* регулярно адаптируется как звук, совпадающий со славянским континуантом балто-славянского дифтонга **ai* [Kiparsky 1934: 285–286; Shevelev 1964: 289].
- 3) Засвидетельствованные псковско-новгородские диалекты [Николаев 1988: 141 и сл.; Зализняк 2004: 41 и сл.] и, вероятно, некоторые славянские формы в среднегреческих текстах 2-й пол. 1-го тыс. н. э. [Тохтасьев 1998: 46] показывают, что «вторая» палатализация не была праславянским (общеславянским) процессом. Иными словами, дифтонг **ai* длительное время сохранял свою непременную артикуляцию, не вызывая регрессивного смягчения заднеязычных, а после повсеместного стяжения **ai* в долгий передний монофтонг возникающая изоглосса упреждения новообразовавшихся смягченных заднеязычных («вторая» палатализация), видимо, захватила только основную часть славянской территории, не затронув «пракривичский» диалект²⁵.

²⁰ Необходимо пояснить, что здесь и далее приводимые вслед за [Кулешов 2010] прибалтийско-финские реконструкции являются фантомными. С точки зрения хронологии и особенно ввиду фрагментарной представленности данных слов в современных прибалтийско-финских языках и не всегда регулярных фонетических соответствий правильнее было бы считать, что мы имеем дело не с заимствованиями непосредственно в прибалтийско-финский праязык как таковой, а с несколько более поздними лексическими проникновениями, распространявшимися по цепочке из одного прибалтийско-финского диалекта в другой. Однако базовая прибалтийско-финская система фонетических соответствий в данной группе слов до известной степени действует, что делает отчасти оправданным в этом пункте изложения давать ради краткости прибалтийско-финский материал в виде реконструкций, а не набора современных форм из отдельных языков.

²¹ Формы см. в [SSA 3: 178; Kalima 1956: 39].

²² Формы см. в [SSA 2: 166; Kalima 1956: 39].

²³ Формы см. в [SSA 2: 196; Kalima 1956: 38].

²⁴ Характерные широкие рефлексy *ъ* в современных «кривичских» диалектах [Николаев 1990: 55, 60] (отраженные и в письменных памятниках 2-й половины 2-го тыс. [Галинская 2002: 84 и сл.]) объясняются исходным противопоставлением трех передних гласных в системе «пракривичского» вокализма.

²⁵ Решающим доводом в пользу такого сценария была бы представительная подборка поздних заимствований с исходными заднеязычными перед передними гласными, но не перед **ai*, где псковско-новгородские варианты сохраняли бы *k, g, x*, а другие славянские диалекты имели бы *c, ʒ, s'*. Здесь подразумеваются формы вроде гапакса асс. sg. *крькъъ* 'церковь' в новгородской минее XIII в., РНБ, Соф. 204, 68 лиц. [Срезневский 1893–1903, 1: 1341] (удивительно, но как раз в бытовых берестяных грамотах основа **крькъъ* ~ **крькъы* до сих пор не отмечена). Контекст флексии *пот. sg. m. -e*, к сожалению, не является вполне доказательным, так как нам неизвестно, в какой момент развития псковско-новгородских диалектов эта фонема стала смягчающей. Теоретически можно считать, что в конце 1-го – начале 2-го тыс. данная флексия имела вид несмягчающего [э], лишь позже совпав с частотной фонемой /e/ (особое поведение группы *ТьrT* перед данной флексией или написание самой флексии через *-а* однозначно указывают на смягчение предшествующей согласной, по крайней мере, уже в XIV в. [Зализняк 2004: 75–76, 102], в современных же диалектах это окончание выглядит как [-'э] / [-'э], см., например, материал в [Honselaar 1997]).

В. Вермеер (см. в особенности [Vermeer 2000: 17 ff.], а также [Зализняк 2004: 45, 47]) полагает, что «вторая» и «третья» палатализации представляли собой единый процесс, а отсутствие эффекта «второй» палатализации в псковско-новгородских диалектах объясняет тем, что «пракривичский» на тот момент еще удерживал дифтонг **ai*. Несмотря на отсутствие положительных свидетельств одномоментности «второй» и «третьей» палатализаций, сценарий Вермеера, безусловно, весьма экономично описывает славянское развитие. Тем не менее сформулируем более полно один из аргументов Г. Ланта [Lunt 1989] против точки зрения Вермеера: заимствования из «пракривичского» в прибалтийско-финские показывают, что во 2-й пол. 1-го тыс. н. э. **ai* и **ē* уже совпали в переднем монофтонге (> прибалт.-финск. **ā*), ни одного указания на сохранение **ai* в данном корпусе примеров не находится. Таким образом, по Вермееру, «вторую» палатализацию (предшествующую дифтонгизации **ai*) следовало бы удревнять и относить, по крайней

- 4) Некоторые разрозненные иноязычные свидетельства указывают на то, что *i*-дифтонги сохраняли свой дифтонгический характер еще во 2-й половине (или даже в конце) 1-го тыс. н. э., см. [Shevelov 1964: 289].

2.5. **ō* (и-дифтонги). Во всех известных славянских языках основным рефлексом дифтонгов **ai* и **ei* является монофтонг верхнего подъема [u] ([ū]), однако ряд фактов указывает на то, что раннепраславянские и-дифтонги стягивались в долгий монофтонг, который первоначально был ближе к кардинальному гласному *ō*, чем к *ī*.

- 1) Все тот же пласт восточнославянских заимствований в прибалтийско-финские (2-я пол. 1-го тыс. н. э.) показывает, что в «раннекривичском» диалекте рефлекс и-дифтонгов имел вид *ō*, противопоставляясь закрытому *ī* (= **ы*, о чем см. ниже 2.6). Например, прибалт.-финск. **kōma* ‘крестный’²⁶ (~ русск. *кум*), прибалт.-финск. **jōta* ‘блюдо’ (~ русск. *блюдо*) и т.д., примеры достаточно многочисленны, см. [Kalima 1956: 42] и в особенности [Кулешов 2010]. Такая же субституция наблюдается и при обратном направлении заимствования (русс. *Сумь* < прибалт.-финск. **sōmi*²⁷).
- 2) Запись *iopan* ‘жупан’ в документах Кремсмюнстерского монастыря (территория современной Австрии, 777 г.) [Holzer 2001: 40; Skach 2008: 132].
- 3) В германских заимствованиях, по крайней мере, до середины 1-го тыс. н. э. (а, вероятно, и во 2-й пол. 1-го тыс.) герм. **ō* регулярно адаптируется как звук, совпадающий со славянским континуантом балто-славянского дифтонга **ai*, см. [Kiparsky 1934: 285] (например, русск. *мур-ин*, польск. *murz-yn* ‘мавр’ и т.д. < др.-в.-нем. *mōr*).
- 4) Аналогично и в заимствованиях из балканской латыни (2-я пол. 1-го тыс.) *ō* языка-источника адаптируется как звук, совпадающий со славянским континуантом балто-славянского дифтонга **ai*, см. [Shevelov 1965: 276].

Интересно, что иноязычный дифтонг вида *ai/oi* мог адаптироваться как слав. **ō* еще и во 2-й пол. 1-го тыс. н. э. Речь, видимо, идет о трех случаях:

- 1) Современные словенские топонимы *Ptuj*, продолжающий лат. *Poetovio* [Snoj 2009: 336], и *Batuje*, продолжающий латинизированный топоним неясного происхождения, известный из источников XI в. как *Batavia*, *Buttavia* [Ibid.: 53]²⁸.
- 2) Древнерусский и современный гидроним *Луга* (река в Ленинградской и Новгородской областях), передающий прибалтийско-финские формы вида водск. *Laugēz*, финск. *Lauka* [Kallio 2006: 160; Holzer 2006: 135, с лит.] (вероятно, 2-я пол. 1-го тыс. н. э.).
- 3) Одно позднее (сер. 1-го тыс. н. э. или позднее) германское заимствование в славянские: польск. *lug*, русск. *луг*, *луга* ‘щелок’ и т.д. < др.-в.-нем. *louga* ‘то же’ [Kiparsky 1934: 248, 286].

мере, к 1-й половине 1-го тыс. н. э., что сталкивается с серьезными хронологическими трудностями. Напротив, о «третьей» палатализации как о позиционно обусловленном общеславянском процессе см. [В. Дыбо 2004: 83–95; Lunt 1981]. Довод Г. Хольцера (см. [Skach 2008: 98, с лит.]) о позднем характере «третьей» палатализации – словенский топоним *Logátec* из латинизированного *Longaticum*, заимствование 2-й пол. 1-го тыс. н. э. [Snoj 2009: 243] – не является в полной мере убедительным, так как словенский исход *-tec*, герм. *-tca* может быть легко объяснен как адаптация иноязычной формы к продуктивной суффиксальной модели.

²⁶ Формы см. в [SSA 1: 440; Kalima 1956: 42].

²⁷ Формы см. в [SSA 3: 215].

²⁸ Г. Хольцер (см., например [Holzer 2001: 39–40] и далее [Skach 2008: 131, с лит.]), видимо, полагает, что написание *Batavia* отражает реальное словенское произношение XI в., и на основании этого вышеуказанный автор, очевидно, относит стяжение славянских и-дифтонгов > *ō* к началу 2-го тыс. н. э. (sic!), по крайней мере, для некоторых областей славянской территории. На самом деле нет никаких аргументов против того, чтобы считать *Batavia*, *Buttavia* традиционными латинскими написаниями.

Объясняться это, очевидно, должно тем, что [ō] воспринималось славянами как наиболее близкий эквивалент фонотактически запрещенным сочетаниям [au] / [ou]²⁹.

Отметим, что среднегреческий материал почти не дает случаев, где слав. *ō (из *u*-дифтонгов) соответствовало бы греч. [o]. Напротив, в большинстве примеров слав. *ō (из *u*-дифтонгов) передается как [u] (ou), см. [Vasmer 1941/1970: 275–276.]. По всей видимости, все такие формы представляют собой поздние заимствования (2-е тыс. н. э.), проникшие в греческий язык после славянского сдвига *ō* > *ū* (о чем см. 2.6.3). Отметим три примера передачи слав. *ō как греч. [o] (во всех случаях графически ω), причем древность одного из них не вызывает сомнений:

- 1) этноним οἱ Ῥῶς ‘Русь’. Теоретически огласовку [o] у этой формы можно считать вторичной, т. к. несклоняемое существительное Ῥῶς и его производные устойчиво пишутся только через омегу, что допускает теорию о контаминации (по крайней мере, графической) с ветхозаветным именем Ρωσ, см. [Тохтасьев (в печати): § 11.3, с лит.];
- 2) топоним Στρώμη с различными вариантами основы ~ русск. *струмень*, словен. *strúmen* ‘поток’ и т. д. [Vasmer 1941/1970: 239; Skach 2008: 132];
- 3) топоним Σωχός = *Сухо* [Vasmer 1941/1970: 239]. Теоретически и в двух последних случаях устойчивая омега может указывать на какую-либо контаминацию – графическую, если не фонетическую (впрочем, о подозрительно частотной омеге в передаче иноязычных форм см. [Тохтасьев (в печати): § 11.1, 1.1.1]).

Кроме того, некоторые авторы предполагают, что славянские *u*-дифтонги сохраняли свой дифтонгический статус еще в конце 1-го и даже начале 2-го тыс. н. э. Однако приводимые в связи с этим доводы слишком слабы и, видимо, должны быть исключены из аргументации. Речь идет о следующих феноменах.

- 1) Словенский топоним *Batuje*, соответствующий латинизированному *Batavia* (XI в.), о чем см. выше сноску 28.
- 2) Глаголическая лигатура Ѣ (> кириллическое ѣ), которая может быть объяснена как подражание греческой орфографии.
- 3) Что касается прибалтийско-финского примера Т.-Р. Вийтсо, то, если прибалт.-финск. **hauki* (из более раннего **šauki*) ‘щука’³⁰ действительно продолжает общеславянское слово для ‘щуки’ (см. [Koivulehto 2006: 180–181; Kallio 2006: 159]), заимствование произошло чрезвычайно рано, так как **hauki* относится к непродуктивному типу *e*-основ (характерному для древнейшего слоя балтизмов 1-го тыс. до н. э., но не для более поздних восточнославянизмов), кроме того, -*k*- вместо ожидаемой геминаты -*kk*- как субститут славянского интервокального глухого не имеет прямого объяснения (М.А. Живлов, устное сообщение).

2.6. *ū (= *ы). Видимо, основными свидетельствами того, что фонема *ы длительное время сохраняла свой исконный облик [ū], могут считаться следующие факты (см. также [Shevelov 1964: 379 и сл.]).

- 1) Некоторые заимствования из южнославянского в среднегреческий, например, новогреч. λούκα ‘лыко’, карούτα ‘корыто’, μαρούλα ‘холм (< могила)’ [Vasmer 1941/1970: 277]; о топонимах с этим же эффектом см. [Skach 2008: 147 ff.]; о сред.-греч. υ [ū] вместо ου в подобных случаях см. [Тохтасьев (в печати): § 8.1.1] с лит. На относительно древнюю датировку этих форм (видимо, 2-я пол. 1-го тыс. н. э.) указывает сохранение квантитативных оппозиций в славянском языке-источнике: греч. α на месте славянского краткого. Показательны здесь более

²⁹ Однако в южнославянской области среднегреческие сочетания вида αυ (где υ = [β] или даже [v]), не являющиеся собственно дифтонгами, стандартно адаптируются в книжных заимствованиях как двуслоговые сочетания с *w* или *ū*, ср. ст.-слав. Пѣвгоуѣтъ < Αὔγουστος, Павѣлъ (при варианте Пѣвѣлъ) < Παῦλος и т. п. [Vaillant 1964: 76].

³⁰ Формы см. в [SSA 1: 147].

поздние заимствования вроде корѣта ‘корыто’, мотѣка ‘мотыга’ уже с греч. *ι* на месте слав. **ы* и греч. *ο* на месте славянского краткого.

- 2) По данным словенской топонимики, *й*, равно как и закрытое *ѡ* балканской латыни, во 2-й пол. 1-го тыс. адаптировались как слав. **ы*, ср. совр. словен. *Mirje* < лат. *mūrus* ‘стена’ [Snoj 2009: 263], *Krmín* < лат. *Cormōnes* [Ibid.: 216] и т. п., см. материал в [Press 1986: 165; Shevelov 1964: 380].
- 3) Германизированный топоним *Rūbinicha* (XI в.; в XIII в. *Raubnich*, совр. *Raming* на р. Штайр) = **Рыбьника* [Reiffenstein 2003: 2898], где на древность исходной формы могло бы указывать отсутствие «третьей» палатализации³¹.
- 4) Два заимствования из «кривичского» в прибалтийско-финские, где слав. **ы* передается как *и*, см. [Кулешов 2010: 351; Kalima 1956: 41]: олонецк. *lútt'šū* ‘толстый комель банного веника’, вепс. *luč* ‘das Untere des Kohlwickels’ ~ русск. *лыч*; вепс. *tugl*, эст. *tugl*, *mogl*, *mügl*, финск. *tuula* ‘щелок’ ~ русск. *мыло*. Вопреки [Кулешов 2010], доказательный статус этих двух изоглосс несколько сомнителен по следующим причинам. Во-первых, приведенные прибалтийско-финские формы указывают скорее на исходный краткий **й*, а не долгий **ѣ*, или же не позволяют различить краткий и долгий³². Во-вторых, неясно и время заимствования. Прибалт.-финск. **Kl* может восходить как к кластеру вида **Tl* (см. выше сноску 18), что автоматически относит слово для ‘щелока’ к древнейшей эпохе контактов (2-я пол. 1-го тыс. н. э.), так и к собственно кластеру вида **Kl*, а рефлексы слав. **Tl* как *Kl* известны в псковско-новгородских диалектах и по сей день [Николаев 1989: 192 и сл.; 1990: 55, 58 и сл.] (хотя предполагаемая форма **мыгло* как-будто нигде не зафиксирована).

Более многочисленны и показательны свидетельства артикуляции слав. **ы* как дифтонга вида [ui] или же [uĩ]. Эти свидетельства происходят из различных языков восточно-, западно- и южнославянского ареалов и относятся к концу 1-го и ко 2-му тыс. н. э. (подробнее о некоторых приводимых ниже данных см. [Shevelov 1964: 377 ff.; Vaillant 1950: 118–119; 1964: 28; Press 1986]).

Славянские системы с огубленным рефлексом **ы* можно разделить на две группы. В первую группу (2.6.1) входят системы, где губная артикуляция **ы* отмечается во всех (или почти во всех) сегментных позициях. Во вторую группу (2.6.2) – системы с губной артикуляцией **ы* только в позиции после губных согласных.

2.6.1. Случаи с огубленным рефлексом **ы* во всех или в большей части сегментных позициях.

- 1) Обозначение рефлекса **ы* как *йѣ* в древнейшей славянской системе письма (глаголическое *ѣѣ* ~ *ѣѣ* > кириллическое *ѣ* ~ *ѣ*; о некоторых палеографических и фонетических аспектах см. [Vrana 1964])³³.
- 2) Одно среднегреческое заимствование в южнославянский: ст.-слав. *давѣдѣ* < **даѣдѣ* < *Δαυίδ* [Vaillant 1964: 28].
- 3) Одно заимствование из тюркского (булгарского) в южнославянский: ст.-слав. *бѣимъ* ‘господин’ < тюрк. **bojla* ‘высокий титул’ (реконструкция А.В. Дыбо, уст-

³¹ О «третьей» палатализации ср. выше сноску 25.

³² В [Кулешов 2010: 351] приводятся виртуальные прибалт.-финск. реконструкции **lūs:a* и **mūkla* соответственно, которые нуждаются в отдельном обосновании.

³³ Но вряд ли показательными здесь являются крайне редкие написания с кириллическим *ои* на месте *ѣ* вроде *Ѧзокомъ* «языком» Сав. 1426 (исправление по соскобленному), *помокантъ Ѧ* «помыслится» Изб. 1073 16, отмечаемые, впрочем, еще Фр. Миклошичем [Miklosich 1898: 156]. Например, их можно вслед за [Карский 1928: 205] объяснять как механическую подстановку *о* на место *ѣ*.

ное сообщение)³⁴ – пример на позицию после губного, хотя этот случай системно примыкает к двум предыдущим пунктам.

- 4) Восточнославянские заимствования в балтийские языки (основные случаи, видимо, относятся к 1-му – 1-й пол. 2-го тыс.): например, литов. *muilas* ‘мыло’, литов. *kuilà* ‘грыжа’ (при позднейшем заимствованном варианте *kylà* уже с русским смягчением *кы* > *ки*), литов. *kuilys* / лтш. *kuilis* / прусск. *tuylis* ‘хряк’ (при позднейшем заимствованном варианте лтш. *ķilis*; ср. русск. диал. *киляк*, *килун*), др.-прусс. *waldwico* ‘рыцарь (< владыка)’ и т. п. [Skardžius 1931; Shevelov 1965: 377, 379; Vaillant 1950: 118–119].
- 5) В севернорусской топонимике прибалтийско-финского происхождения прибалт.-финск. *ü* часто передается через русск. *ы*, хотя есть и случаи передачи через русск. *ю* [ü], см. [СТРС 1: 138–140]. Видимо, как предполагается А.К. Матвеевым, варианты с *ы* и *ю* распределены, в частности, хронологически: первый тип адаптации характерен для более древних заимствований. Ср. гидроним *Сырвей* в пинежской писцовой книге XVII в., соответствующий современному повторно заимствованному *Сюрей* (бассейн Юлы) [СТРС 1: 139], или древнюю и укоренившуюся в русских диалектах этнонимическую основу *зырян-/сырян-* < финск. *syryjä* (где *y* = *ü*), карел. *syryjä*, ижор. *sürjä* и т. п.³⁵ ‘край, сторона’ [Материалы 2004: 119–120].
- 6) Английская транскрипция севернорусского диалекта г. Холмогоры (Архангельская область) в «*Dictionariolum Russico-Anglicum*» Ричарда Джемса, 1618–1619 гг. О **ы* у Джемса см. [Ларин 2002: 188–190]. После губных согласных как под ударением, так и в безударной позиции **ы* обычно рефлексировал как дифтонг вида [ui] (графически *ui*, *ui*, *iu*, *uee*, *oi*): например, *tiu* «мы», *vuee* «вы», *grībui* «грибы», *buīdra* «выдра», *puītai* «пытай», *lapui* «лапы» (nom. pl.). Реже **ы* может давать монофтонг вида [u] (графически *ou*, *u*, *o*): например, *obuge* «обычай». После остальных твердых согласных (т.е. не шипящих и не *к*, *г*, *х*) как под ударением, так и в безударной позиции **ы* имеет облик дифтонга (графически *ui*, *ei*), заднего губного монофтонга (графически *u*, *u*, *o*) или упережденного неогубленного монофтонга (графически *i*, *i*, *e*, *ee*). Упережденный неогубленный монофтонг встречается несколько чаще, чем огубленный рефлекс, правила распределения не прослеживаются. Примеры на огубленный рефлекс: *lhuic* «лык» ‘лыко’, *rubenic* «рыбник». Пример на неогубленный *i*-дифтонг: *teisich* «тысяч<а>». Примеры на неогубленный монофтонг: *tīma tīsitch* «миллион» (sic!), *rize* «ризы» (nom. pl.).
- 7) Французская транскрипция севернорусского диалекта (район нынешнего Архангельска) в «Парижском словаре московитов», 1586 г. Этот диалект относился к тому же кластеру, что и диалект «*Dictionariolum Russico-Anglicum*» Р. Джемса, и правила рефлексии **ы* в двух памятниках примерно совпадают. Как указано в [Ларин 2002: 32], после губных согласных как под ударением, так и в безударной позиции **ы* обычно рефлексировал как дифтонг вида [ui]: например, *bouysq* «бык», *bouel*, *boil* «был», *moiuilla* «мыла» (gen. sg.), *voymou* «вымой», *pattecovoy* «подковы» (nom. pl.). После остальных твердых согласных (т.е. не шипящих и не *к*, *г*, *х*) под ударением в позиции фразового выделения **ы* имеет облик *i*-дифтонга (графически *ay*³⁶, *ey*, *oul*³⁷): например, *tay*, *tey* «ты», *daynyee* «дыни» (nom. pl.),

³⁴ Согласно [А. Дубо 2007], слово принадлежит к древнейшему слою булгаризмов, проникавших в восточнославянскую область уже как элементы южнославянского литературного языка.

³⁵ Формы см. в [SSA 3: 231].

³⁶ Отметим, что нормальной (ожидаемой) функцией буквенного сочетания *ay* является передача рус. [aj], [ej] [Ларин 2002: 31], например, *bollochaye* «большая», *gouesseday* «гвоздей».

³⁷ Обозначение [i] буквой *l* в конце слова изредка встречается в памятнике [Ларин 2002: 33, 36]. Это или особенность восприятия оглушенного [i], или же ошибки того писца, чья копия послужила протографом двух известных списков «Парижского словаря московитов» (смещение *l* и *i*).

rouduol «руды» (nom. pl.). В других позициях *ы представляла собой монофтонг, который передается как *e, y, i*, например, *costi ribya* «кость рыба», *coudy darogua* «куды дорога?», *rosse* «розы» (nom. pl.).

- 8) Данные старомосковского диалекта согласно описаниям иностранцев. Немец Г.В. Лудольф, автор «Grammatica Russica» (Оксфорд, 1696; комментированное переиздание грамматики с русским переводом см. в [Ларин 2002]), транскрибирует в русском алфавите «ы» как латинское *ui* [Ларин 2002: 550] и эксплицитно поясняет: «Sonus litera *y* non nisi viva voce exprimi potest, est instar dipthongi ex *u* et *i* compositæ» (ср., например, *нынѣ* – *nuine* и т. п.)³⁸. Француз Ж. Сойе, автор «Grammaire et methode russes et françoises» (1724; переиздание см. в [Успенский (ред.) 1987]), точно так же транскрибирует букву «ы» *jerui* (sic!) как *ui* и характеризует ее как «une diphtongue composée d'*u* et *i*» (с. 6–7, 9). Немец А. Шлёцер, автор «Rusische Sprachlehre» (1760-е гг.), объясняет «ы» как *yi* [Булич (ред.) 1904: 16–17]³⁹.
- 9) Схожее указание В.Е. Адодурова (носителя русского языка, ориентированного, скорее всего, на тот же старомосковский диалект), что русская буква «ы» читается как краткое или слитное *ui/уу*: так в его грамматическом очерке на немецком языке 1731 г. (с. 5, см. издание в [Unbegaun 1969]), в русской версии грамматики (1730-е гг.) и в приписываемой ему «Заметке о транскрипции», см. [Успенский 1975: 37].

2.6.2. Случаи с огубленным рефлексом *ы только в позиции после губных согласных.

- 10) Обозначение *ы как *ui* и, вероятно, *ugi* [uj] после губных согласных в древнейшем славянском памятнике, записанном латиницей, – Фрейзингенских отрывках (древнесловенский язык, рубеж X–XI вв.), точнее, во втором из трех текстов: *tui* 158v.32, 159r.7, 160r.2 «мы» (местоим.), *buiti* 159r.8, *bui* 158v.8 «быть» (inf, aor.), *neimugi* 158v.5 «не имы/не имый» (part. nom. sg. m.). А также просто через *u*: *muzlite* 159v.16 «мыслите» (imv.). При этом в отрывках № 1 и № 3 после губных наблюдаются «нормальные» написания через *i*: *biti* 78r.7, 160v.21, *bih* 78r.12, 78r.13, 161r.6 «быть» (inf, aor.), *pomislenie* 161r.29–30, *pomislenia* 160v.29 «помышление», *zimizla* 161r.15 «смысла» (gen.), *u zpitnih* 160v.33 «в спытных» «в напрасных»⁴⁰.
- 11) Передача имени хорватского князя Вышеслава как VVISSASCLAV в латинской надписи на купели, датируемой VIII или IX в.; см. [Matijević Sokol 2007].
- 12) Относительно недавние восточнославянские заимствования в прибалтийско-финских языках, где после губных согласных *y* передается как *ui* или (в первом слоге) *u*⁴¹. Вепсский: *tuil* «мыло», *vuigonk* «лесосплав», *vuišk* «вышка», *vuivod* «дымоход», *dobuc* «добыча» (формы по [Hämäläinen, Andrejev 1936]), *kaput* «копыто» [Kalima 1956: 41], топоним *Muiz* < русск. *мыза* [Mullonen 2007: 165]⁴².

³⁸ Впрочем, как отмечается в [Ларин 2002: 530], для безударной позиции было характерно и монофтонгическое произношение вида [i], что следует из нередкого смешения букв «ы» и «и», ср., например, *женщини* (nom. pl.) или *дыны* «дыни» (nom. pl.); статистика таких написаний требует дальнейшего изучения.

³⁹ Я благодарю Б.А. Успенского и анонимного рецензента моей рукописи за указание на грамматику Ж. Сойе и А. Шлёцера.

⁴⁰ Видимо, во всех трех отрывках графически двусмысленны формы с *ы после [w]: *uvignan* (№ 2 158v.9) «выгнан» (part. pass.), *v<i>* (№ 1 78v.10) «вы» (местоим.), *miloztiuvi* (№ 1 78r.2, 78r.11), *miloztivi* (№ 1 78r.21), *miloztivui* (№ 1 78v.5; № 3 161r.26) «милостивый» (nom. sg. m.).

⁴¹ В прибалтийско-финских языках ударение стандартно фиксировано на первом слоге, чем, видимо, и объясняется такая разница в адаптации иноязычной фонемы.

⁴² От таких случаев надо отличать заимствованные вепсские глаголы вроде вепс. *divui-das* «дивиться», где *vui* не является субститутом русск. *ви*. Вепсские глаголы на *-ui-* регулярно происходят из русских глаголов на *-ова-*, а вепс. *ui* является закономерной адаптацией русской основы настоящего времени (И.Б. Иткин, устное сообщение). В частности, источником *divui-das* было не литературное *дивиться*, а диалектное *дивоваться*, *дивуюсь*.

Карельский: *tuila* 'мыло'. Водский: *meila* 'мыло'. Финский: *vuitti* 'доля, пай' (< русск. *выть*)⁴³. И тому подобное.

- 13) Аналогичная субституция наблюдается и при противоположном направлении заимствования, ср. эст. *mõis*, ливск. *moizē* и т.д.⁴⁴ 'имение, поместье, двор' адаптированные как русск. *мыза* (1-я пол. 2-го тыс. или ранее) и лтш. *mižza* 'имение, поместье'.
- 14) Записи топонимов (и, реже, антропонимов) западнославянского ареала первых веков 2-го тыс., вроде *Gostomuizli* = **Гостомысл*- (IX в.), *Buitfow* вместо *Bydżow* (Богемия, XII в.), *Fiustrize*, *Buitfrice* = **Быстрица* (XII–XIII вв.) и т. п., в этом же ряду *Bruile* = **Брылы* (XIII в.), см. [Shevelov 1964: 377; Press 1986: 11–20; Schwarz 1929; Holzer 1995: 70].
- 15) Рефлексация **ы* как [ui] ~ [ü] после губных согласных в старопсковском диалекте по данным русско-нижненемецкого разговорника Т. Фенне, нач. XVII в. (о чем см. выше раздел 1). Схожие системы частично отражены и в двух «псковско»-верхненемецких разговорниках того же времени: «Einn Russisch Buch» Томаса Шрове, кон. XVI в. (издание [Fałowski, Witkowski 1992; Fałowski 1997]; ср., например, 22v.4 *buÿll* «был») и анонимной «Ein Rusch Boeck...», сер. XVI в. (издание [Fałowski 1994; 1996]; ср., например, 61r.18 *pributeck* «прибыток»).

Автор не ставит целью собрать все прямые или косвенные свидетельства⁴⁵. Задача данного списка – продемонстрировать диалектную и хронологическую разнородность наблюдаемых случаев.

2.6.3. Конечно, можно было бы реконструировать праславянское **ы* в виде **ɨ* (традиционное **у*) и считать, что все вышеперечисленные случаи рефлексации **ы* как [ui] ~ [ü] – не связанные между собой инновации в отдельных славянских языках и диалектах⁴⁶ (см. развернутую дискуссию в [Shevelov 1964: 377 ff.], где автор взвешивает неко-

⁴³ Есть основания предполагать, что на предшествующем этапе эти восточнославянские диалекты относились к системам с рефлексом вида *ui* во всех сегментных позициях: ср. топонимы типа русск. *Кипень*, чья праформа **Кыльнь* была адаптирована как финск. *Kuipinna* [Кирсанов 2007].

⁴⁴ Формы см. в [SSA 2: 169].

⁴⁵ От подобных примеров следует отличать полабскую рефлексацию **ы* как *oi* [Lehr-Spławiński 1929: 47], так как это развитие является частью вторичного полабского процесса дифтонгизации долгих узких гласных в позиции вторичной (лехитской?) долготы, ср. аналогично слав. **ī* > полаб. *ai*, слав. **ō* (из *u*-дифтонгов) > *ū* > полаб. *au/ai*, при кратких монофтонгических рефлексах всех трех фонем в позиции вторичной (лехитской?) краткости [Lehr-Spławiński 1929: 44 ff.].

В число рассматриваемых выше систем неоправданно включать и современный русский литературный язык. В научной литературе иногда можно встретить утверждение, что *ы* является дифтонгом со вторым компонентом [i], однако в действительности современное литературное *ы*, видимо, уже представляет собой стандартный монофтонг, близкий к [ɨ] в нотации IPA, см. [Князев 2012].

⁴⁶ Или же иноязычную передачу славянского **ы* как [ui] можно было бы считать нормальной адаптацией звука [ɨ], отсутствующего в языке-реципиенте (так, например, см. [Press 1986: 103] для западнославянских данных). В отдельных случаях такое объяснение могло бы быть принято (ср. примеры в [Kiparsky 1963: 79], в которых современное русское [ɨ] передается как финское *ui* в позиции после губных, например, фамилия *Громыко* > финск. *Gromuiko*). Однако эта интерпретация никак не проходит для всего комплекса приведенных выше случаев. Отмечу и следующее. Как указал мой коллега, имеющий богатый опыт преподавания русского языка носителям других языков (англичанам, французам, китайцам, вьетнамцам и др.), современное русское литературное [ɨ] стандартно смешивается с [i], но никогда не воспринимается иностранцами как [ui]. На это же указывает и [Брызгунова 1963: 41–43], которая, однако, отмечает, что изредка [ɨ] может апперцироваться как [u]/[o] (у арабских студентов) и, действительно, у носителей некоторых немецких диалектов русское [ɨ] в конечной позиции может передаваться как [oi]. Тем не менее все

торые аргументы, но не приходит к окончательному выводу, и подробный обзор мнений в [Press 1986: 217 ff.]⁴⁷). Тем не менее представляется, что реконструкция дифтонга **ui* как промежуточной стадии между праславянским **ī* и более поздним [i] имеет ряд преимуществ перед традиционной точкой зрения.

- 1) Ряд древнейших свидетельств (по крайней мере, с IX в.) указывает на дифтонгический характер рефлексов **ы*, однако современные языки в массе своей имеют монофтонгический рефлекс⁴⁸, что говорит о тенденции монофтонгизировать **ы*, распространявшейся по славянской территории. Ввиду этого естественнее было бы не реконструировать зигзагообразный процесс $\bar{u} > \bar{i} > ui > i$, а принять более экономный сценарий, т.е. предположить, что исходной точкой в позднепраславянском развитии был именно дифтонг вида [ui], схематически: $\bar{u} > ui > i$.
- 2) Переход $\bar{u} > ui$ не является типологически тривиальным развитием (в отличие, скажем, от стяжения дифтонга в долгий монофтонг), поэтому естественнее было бы считать, что такой переход произошел в истории славянских языков единожды.

Вероятно, исходя из имеющихся фактов следует считать, что изоглосса дифтонгизации $\bar{u} > ui$ начала быстро распространяться по славянской территории во 2-й пол. 1-го тыс. н.э. (т.е. уже после обособления «кривичского» диалектного кластера) и в результате захватила все или почти все славянские диалекты. Важно, что вышеперечисленные данные как будто не позволяют дать какую-либо диалектную привязку развитию $\bar{u} > ui$ и тем самым приписать явлению локальный статус.

Можно предложить и некоторые системные предпосылки такой дифтонгизации. Приведенные в начале раздела 2 подсистемы кратких и долгих монофтонгов несимметричны: долгий треугольник имеет на одну фонему больше, чем краткий. Это нарушает типологическую фреквенталию (но, конечно, не универсалию), говорящую о том, что подсистема долгих гласных обычно не превосходит по своему составу подсистему кратких гласных, см. [Кодзасов, Кривнова 2001: 431]⁴⁹.

это типологически изолированные и случайные феномены, которыми нельзя объяснять наблюдаемую славянскую систему.

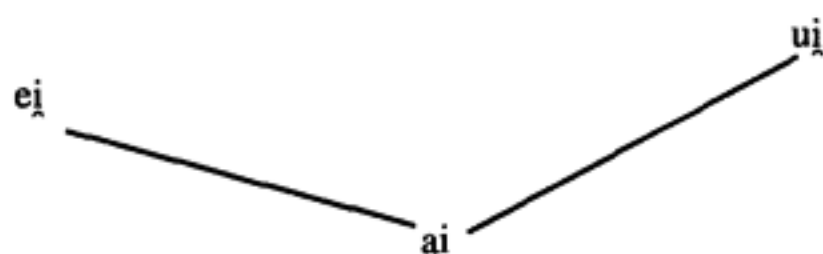
Рассмотрим в качестве другой типологической параллели адаптацию азербайджанских и русских заимствований со звуком [i] ~ [ш] в тех языках лезгинской группы, которые в системе своего вокализма не имеют фонемы вида /i/. Это в первую очередь табасаранский (с диалектами), агульский (с диалектами) и арчинский языки. В них, как и в прочие языки региона, активно проникают лексические заимствования из азербайджанского (скорее всего, в основном из кубинского диалекта – процесс последних веков) и из русского (в основном из литературного варианта, XX в.). Как продемонстрировано в [Тадинова 2006: 134–138], в азербайджанизмах [ш] ~ [i] языка-источника стандартно передается как [i], например, азерб. *gатыр* ‘мул, лошак’ > табасар. *vatir*, агул. *q:atir* ‘мул, лошак’ и т. п. Сплошной просмотр сводного словаря [Комри, Халилов 2010] показал, что это правило действует, а примеры Р.А. Тадиновой могут быть умножены, например, азерб. *гыраг* ‘край, оконечность’ > табасар. *virav*, агул. *q:irav* ‘берег, край’. Конечно, как справедливо отмечено в [Тадинова 2006], от этой группы случаев следует отличать заимствования с [u] в первом слове вроде табасар., агул. *baluv* ‘рыба’, которое в действительности отражает не литературное азерб. *балыг* ‘рыба’, а диалектную форму с сохранением этимологической огубленности *baluy*. Аналогичным образом и в арчинском языке недавние русизмы последовательно имеют [i] на месте русск. [i]: *ašibk:a* ‘ошибка’, *kasink:a* ‘косынка’, *matácik* ‘мотоцикл’, *mišina* ‘машина’, *pisirka* ‘посылка’, *poróstin* ‘простыня’ [Кибрик и др. 1977: 50 и сл.]. Гипотетические примеры с передачей русск. [i] через [ui] или [u] не обнаруживаются.

⁴⁷ Кажется, первым, кто предложил дифтонгическую интерпретацию **ы*, был Фр. Миклошич.

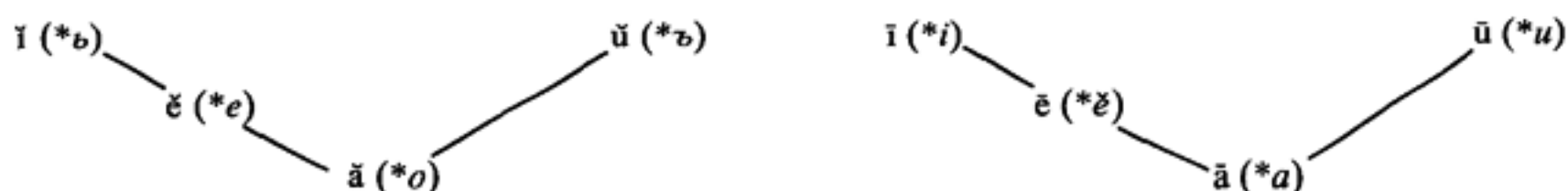
⁴⁸ Подробнее о типовых рефлексах **ы* в отдельных славянских языках см. [Press 1977; 1986].

⁴⁹ Вероятно, наиболее частое исключение из данной закономерности составляют языки, в которых краткие шваобразные гласные являются маркированными членами в квантитативной оппозиции (образуя треугольник с двумя степенями подъема $i \sim e \sim u$, противопоставленный развитию треугольнику долгих гласных с тремя или четырьмя степенями подъема), но это явно не случай праславянского.

В результате вокалической перестройки фонема **ĩ* была вытеснена в треугольник *i*-дифтонгов, который в итоге приобрел следующий вид (в тех диалектах, где *ai* и *ei* не успели стянуться в монофтонги, если таковые диалекты еще оставались на тот момент):

После элиминации монофтонга **ĩ* старое **ō* (из *u*-дифтонгов) передвинулось в [ū], заполняя освободившуюся клетку. Процесс этот прошел повсеместно и явно очень быстро (кон. 1-го тыс. н. э.), в результате чего треугольники кратких и долгих монофтонгов приняли симметричный и типологически нормальный вид (в скобках дается традиционная славистическая нотация):

Можно предположить, что следующий этап развития **ы* начался в начале 2-го тыс. н. э., когда возникла изоглосса монофтонгизации *ui* > *i*. Однако эта изоглосса распространялась по славянским диалектам медленно (на некоторых частях восточнославянской территории дифтонг *ui* сохранялся еще во 2-й пол. 2 тыс.), и иногда переход был контекстно обусловлен (во многих диалектах огубленный рефлекс дольше удерживался в позиции после губных согласных⁵⁰).

Схематически описанный выше сценарий (общий для всех или почти для всех славянских диалектов) можно представить так:

1-я пол. 1-го тыс.	<i>ĩ</i>	<i>u</i> -дифтонги
	↓	↓
2-я пол. 1-го тыс.	<i>ĩ</i>	<i>ō</i>
	↓	↓
конец 1-го тыс.	<i>ui</i>	<i>ĩ</i>
	↓	
2-е тыс.	<i>i</i>	

Неясным остается статус диалектов, где **ы* в итоге рефлексировал и не как *i*, и не как *ui*. Речь идет, по крайней мере, о следующих системах.

- 1) В ряде украинских диалектов Закарпатья **ы* дает средне- или заднеязычный огубленный гласный (отличный от [u] и [o]) во всех позициях или только после губных и заднеязычных согласных, см. [Шевельов 2002: 110–111] и далее [Press 1986: 115 и сл., с лит.]. Важно, что такой огубленный рефлекс не является недавней инновацией, а отражает довольно древнее состояние, как видно из написаний топонимов и антропонимов в грамотах с той же диалектной привязкой, ср. примеры Ю. Шевелева, иллюстрирующие позицию после губных и заднеязычных: *Mogula*, *Mikuta* (XIII в.), *Kobulnicha* (XV в.).

⁵⁰ Специально укажу, что объяснение частотного рефлекса [ui] ~ [ū] ~ [u] в позиции после губных как результата вторичной ассимиляции из [i] кажется, на первый взгляд, самоочевидным. Однако же предположение о позиции после губных согласных как о позиции ретенции, где губной компонент гласного поддерживался предшествующим согласным, имеет не меньшую объяснительную силу.

- 2) В восточнополесских диалектах рефлексы *ы и и-дифтонгов совпадают в звуке вида [u] в позиции после губных согласных: *ба́бу* (nom. pl.), *му́ло*, *приву́кну* «привыкну» и т.п. [Лекомцева, Толстая 1968: 53]. Аналогичные примеры из других юго-западных белорусских диалектов см. [Press 1986: 126 и сл., с лит.].
- 3) В берестяных грамотах и некоторых других памятниках псковско-новгородского ареала, а также в современных псковских диалектах на месте *ы в позиции после губных согласных спорадически отражается звук вида [u]: *воудоро* «выдр» (XIII в.) и т. п., см. [Зализняк 2004: 74].

Для таких случаев можно предлагать различные теоретические сценарии той или иной степени достоверности:

- наблюдаемый рефлекс *ы представляет собой архаизм, являясь непосредственным континуантом *ѣ (т.е. данные диалекты оказались незатронуты изоглоссами дифтонгизации в *ui* и монофтонгизации в *i*);
- наблюдаемый рефлекс *ы развился из стадии *ui;
- наблюдаемый рефлекс *ы развился уже из *i (например, в позиции после губных согласных, как в восточнополесских диалектах).

Также важно отметить, что зафиксированные системы с огубленным рефлексом *ы (см. 2.6.1–2.6.2) могут иметь колебания между дифтонгической и монофтонгической реализацией данной фонемы: например, *ui* ~ *ѣ* у Фенне (2.6.2 п. 15), *ui* ~ *и* у Джемса (2.6.1 п. 6), *ui* ~ *и* в вепсских русизмах (2.6.2 п. 12). В этих случаях дифтонг [ui] явно первичен, и мы имеем дело или со вторичным стяжением [ui] > [ü], или с несовершенством графики и особенностями перцепции славянской речи у иностранцев, или с фонетическими особенностями языка-реципиента (как в вепсском, где *ui* и *и* распределены в зависимости от вепсского ударения).

Предложенному выше принципиальному сценарию развития праславянской фонемы *ы, наверное, можно найти контрпримеры в виде отдельных слов или форм⁵¹, однако представляется, что приведенная схема экономично описывает совокупность основных славянских данных с системной точки зрения.

Приложение. Списки релевантных форм из разговорника Т. Фенне

1. Передача русск. у, ю.

ü = ю, 20×

vgrüm «угрюм» 45.22

blüda «блюдо» 97.6

prelübodioustouo «прелюбодейство» 42.1

lübo «любо» 188.9, 340.17, 345.5, 355.2, 355.3, 356.17, 361.15, 399.18

⁵¹ Например, неясным случаем оказывается общеславянское слово 'плата, пошлина' (ст.-слав. *мыто*, русск. *мыто*, чеш. *myto* и т.д.), в котором традиционно видят относительно позднее заимствование из др.-в.-нем. **mūta* 'пошлина' [ЭССЯ 21: 81; Kiparsky 1934: 250, 285], где др.-в.-нем. форма реконструируется на основании ср.-в.-нем. (баварского) *maut* 'пошлина' и совр.-в.-нем. *Maut*. Ситуация, однако, представляется более сложной, так как ср.-в.-нем. *maut* по своей фонетике не является регулярным продолжением герм. **mōtō* (> гот. *mota* 'tax', др.-швед. *mōt* 'measure', др.-англ. *mōt* 'toll, tax' и регулярное ср.-в.-нем. *muoze* 'miller's pay' [Orel 2003: 274]). Славянские и средневерхненемецкие формы, а также сред.-лат. *muta* 'пошлина', очевидно, отражают бродячий экономический термин, причем в узко локализованном ср.-в.-нем. (баварском) *maut* следует видеть скорее славянизм последних веков 1-го тысячелетия (*terminus post quem* определяется отсутствием передвижения *t* > *zz* в ср.-в.-нем. форме). Первоначальным источником термина, вероятно, является какая-либо германская форма, продолжающая герм. **mōtō*, однако это вряд ли гот. *mota*, так как в готских заимствованиях *ō* регулярно адаптируется как слав. **ō* (из и-дифтонов) [Kiparsky 1934: 285]. И. Райффенштайн [Reiffenstein 2003: 2899] предполагает, что источником была позднеготская форма с уже суженным долгим гласным – **mūta* – и, соответственно, предлагает сценарии: позднеготский (конец 1-го тыс.) > баварский > славянский или позднеготский > славянский (конец 1-го тыс.) > баварский (оба решения ведут к хронологическим трудностям).

lube «любо» 428.16
ne lube «не любо» 249.12
polubitz «полюбится» 334.6
blüdi «блюди» (imv.) 190.9
blüdus «блюдусь» 220.1
blüdutzi «блюдутся» 475.17
blüdutzis «блюдучись» (деепр.) 419.14
ludi «люди» 411.2, 475.17

ui = ю, 4×

kluitza «ключа» 104.2
ffzui notz «в сю ночь» 193.19
bluil «блюл» 294.13, 390.2

u = ю, passim

obütziu «обычаю» 141.2
ludi «люди» 412.6 bis
ludy «люди» 289.15
luboff «любовь» 471.13

ü = y, 1×

iszbü «избу» 192.16

ui = y, 4×

viszbui «в избу» 203.16
besz muiki «без мýки» 240.4
vuitri «в утре» 'утром' 259.8
puiste «пуст» (nom. sg. m.) 352.22

2. Передача русск. ы после губных согласных.

ui = ы (после губных согласных), 135×

tuislet «мыслить» 566.5
smuishliff «смышлив» 45.7
promuishlen «промышлен» 45.9
promuischlenik «промышленник» 51.17
opromuislaiett «опромышляет» 223.10
promuislet «промыслит» 171.8
smuislett «смыслить» 235.16
smuislet «смыслить» 284.1
peremuislet «перемыслить» 284.1
smuislity «смысли ты» 280.11
rosmuislil «размыслил» 311.21
promuislai «промышляй» 492.12
bes muisle «без мысли» 479.18
muitar «мытарь» 53.3
smuitzenik «смычник» 'скрипач' 54.11
smuitzen «измычен» 'помят, потаскан' (о товаре), *измыкать* 'измучить' [СРНГ 12: 152] 339.16, 431.21
buister «быстрь» 'быстрина' 60.23
puil «пыль» 64.14
muisch «мышь» 70.9
buik «бык» 75.5
kapuita «копыта» 77.6
vuipregai «выпрягай» 79.18
vuikinum «выкинем» 262.15
wuibuikta «выбыгмо» ('высушенный лен', ср. диал. *выбыгивать* 'просыхать на ветру' [СРНГ 5: 250] + редкий консонантный суффикс *то) 117.17

muilo «мыло» 114.19
muttze paritze «мыться париться» 163.8
buil «был» 208.16, 281.6, 291.2, 306.11, 306.16, 313.7, 320.1, 326.9, 330.17, 354.11, 359.3, 368.2, 368.11, 395.7, 404.16, 417.21, 424.15, 470.20, 486.3 bis, 493.11, 498.11
buill «был» 197.20, 197.21, 211.5, 232.19, 238.16, 241.12, 243.6, 243.17, 243.18, 246.20, 300.4
builo «было» 197.3, 238.15, 266.6, 284.7, 410.9, 416.20, 463.16
buili «были» 202.6, 267.12
buit «быть» 249.5, 249.8, 296.4, 313.8, 349.15, 354.12, 378.1, 385.10, 501.14
buitt «быть» 210.1, 221.1, 237.22
buiti «быть» 268.2, 269.8
dabuit «добыть» 213.15, 251.10, 297.11, 401.10
dabuil «добыл» 420.15
sbuitt «сбыть» 213.15
ssabuil «забыл» 355.19
sabuill «забыл» 207.16
vbuitok «убыток» 248.15
kabui «кабы» 158.1, 282.18, 284.1, 284.7, 313.7, 322.1, 327.10, 354.12, 359.2, 362.18, 365.16, 372.2, 380.17, 410.9, 415.11, 416.20, 430.2
kabbui «кабы» 250.12
kack bui «как бы» 197.3
tak bui «так бы» 291.13
tztobui «чтобы» 334.16, 428.18
stobui «чтобы» 335.5
ias bui «я бы» 365.17, 415.11
on bui «он бы» 372.2
tui «мы» 202.6, 206.8, 214.15, 217.15, 226.5, 246.20, 247.7, 259.8, 262.15, 265.1, 277.10, 284.7, 292.5, 320.9
vui «вы» 247.21
probluiwat «проплывать» 94.9

üi = ы (после губных согласных), 19×

müisel «мысль» 141.7
romüislenü «помысленный» 401.7
müita «мыта» 'налог' 365.7
müit «мыть» 167.15
sbüit «сбыть» 177.17
büil «был» 320.13, 328.16, 340.11, 374.19, 378.12, 387.1, 433.9
chto büi «чтобы» 338.17
sztobüi «чтобы» 389.10
stobüi «чтобы» 418.1
ias büi «я бы» 359.3, 380.18, 425.1
tibüi «ты бы» 269.5

uÿ = ы (после губных согласных), 3×

smuÿkatt «измыкать» 245.12
sabuÿt «забыть» 175.10
kabuÿ «кабы» 425.1

üÿ = ы (после губных согласных), 1×

müÿser müisel «мысль» 141.7

ü = ы (после губных согласных), 66×

kabüla «кобыла» 76.20
kabülnik «кобыльник» 'конокрад' 389.4
bükovinÿi koszi «быковинные кожи» 111.8
dobüvat «добывать» 165.14
büll «был» 207.9, 221.8, 221.16, 229.9
bül «был» 289.16, 388.17, 401.6, 404.12, 404.15, 412.2, 412.16, 414.19, 415.10, 416.20, 424.6, 430.2, 433.8

būla «была» 405.12, 416.11, 430.3, 434.19
būlo «было» 334.17, 349.15, 362.19, 393.9, 417.13
būlob «было б» 322.2, 327.11
būli «были» 202.9
būlŷ «были» 289.15
būtt «быть» 206.7
sabūl «забыл» 394.18
dabūt «добыть» 472.5, 475.19
sbūt «сбыть» 472.5
pribūtka «прибытка» 296.20
vbūtok «убыток» 318.12, 396.7, 396.8, 405.16, 429.10, 479.7
vbūtka «убытка» 297.7, 419.6, 419.21, 429.5, 435.7, 477.11
vbūtoka «убытка» 318.17
vbūtke «убытке» 419.18
obūtki «убытки» 356.12
pribūtka «прибытка» 419.18
obūtzea «обычая» 220.13
obūtziu «обычаю» 141.2
obūtzeu «обычаю» 246.2
obūtzeiu «обычаю» 340.12, 359.3, 362.2, 406.10, 458.12
poobūtzeul «по обычаю ль» 336.14
spūn «шпынь» 490.14

u = ы (после губных согласных), 50×

promuszall «промысел» 229.19
promuszal «промысел» 472.3
promusla «промысла» 243.6
promuslæiu «промышляю» 433.15
promuto «промыта» 'пеня' 382.21
rukamuiinik «рукомыйник» 'умывальник' 99.4
mulno «мыльна» 'баня' 95.14, 196.8
mulnu «мыльну» 'баня' 196.11
butt «быть» 206.3, 210.1
budi «быть» 269.2
bulo «было» 267.4
buvat «бывать» 232.11
buvall «бывал» 260.2
buall «бывал» 215.14, 217.8
dabuvatt «добывать» 253.2
dabuvat «добывать» 424.13
dabuvaiu «добываю» 423.5
dabuvaies «добываешь» 401.2
dabuvai «добывай» 281.12
pobuvaiu «побываю» 238.2
pribuvaiet «прибывает» 238.22
vbutok «убыток» 237.7, 248.18, 318.14
vbutka «убытка» 296.20, 382.1
pributok «прибыток» 318.17
pributka «с прибытка» 297.8, 318.14
obutzeu «обычаю» 213.11, 338.8, 458.8
obutzeiu «обычаю» 372.8, 476.15
tu «мы» 292.1
putaia «пытаю» (sic) 199.12
putaies «пытаешь» 200.5, 204.16
putai «пытай» 194.11, 218.10
putal «пытал» 212.13, 316.16, 418.6, 460.6
poputat «попытать» 231.2, 498.8
vŷputal «выпытал» 381.16

vŷ = вы, passim

vŷ... «вы...» (приставка) *passim* (например, 184)

vŷdra «выдра» 74.7

vŷdri «выдры» 108.13

lasurevŷm «лазуревым» 128.1

vŷsoko «высоко» 133.3

.....

vi = вы, 18×

vibledock «выблядок» 42.4

visokumliff «высокоумлив» 45.21

visokumliue «высокоумливе» 201.19

vischegorod «вышегород» 50.14

viszbui «в избу» 203.16

vinuiu «в иную» 223.1, 223.5, 232.21

vinum «в ином» 339.6

vinupori «в ину пору» 370.16

vinuiu «в иную» 392.1

vinoŷ verete «в иное время» 442.19

svikli «свыкле» 'свык' 236.12

svikl «свык» 370.8

prŷvikli «привыкле» 'привык' 236.12

privikl «привык» 370.8

vikinu «выкину» 314.14

vibirat «выбирать» 439.7

mŷ = мы, 59×

mŷ «мы» 146.7, 146.14, 147.7, 147.13, 149.7, 202.9, 262.7, 266.1, 267.16, 268.1, 268.2, 268.3, 268.15, 269.1, 269.3, 269.7, 269.8, 297.17, 298.6, 298.9, 299.11, 299.12, 301.7, 302.1, 303.12, 308.18, 310.1, 314.13, 320.9, 323.17, 336.1, 337.1, 338.11, 335.1, 355.9, 336.1, 358.13, 365.2, 366.15, 368.11, 375.8, 389.10 (*ŷ < u*), 392.19, 394.6, 394.7, 402.11, 408.11, 408.12, 410.3, 412.7, 414.3, 417.8, 417.9, 422.12, 430.12, 438.15, 463.9, 463.14, 476.9

mi = мы, 4×

ne samikai «не замыкай» 205.5

samikatt «замыкать» 205.6

otominuta «отомыкнута» 'отомкнута' 311.1

otomine «отомыкни» 'отомкни' 311.3

Отдельные нерегулярные случаи (после губных согласных), 7×

tzto bŷ «чтобы» 267.2

tzto bi «чтобы» 266.5, 266.20, 267.3, 269.7

stobi «чтобы» 269.1

popŷtat «попытать» 175.4

3. Корень *буд-* у глагола *быть*.

Формы императива, 13×

bŷit «будь» 398.12

sabuidi «забудь» 189.4

sabuitt «забудь» 197.17

buit «будь» 237.15 bis, 245.2, 252.11

buitt «будь» 226.1, 227.15, 228.6

dabŷt «добудь» 329.14, 413.9

sabudi «забудь» 197.11

Остальные формы, 94×

budu «буду» 206.1, 206.5, 219.18, 220.6, 221.17, 341.17, 380.13, 414.15, 416.16, 426.17, 432.15

budes «будешь» 196.14, 221.13, 300.3, 363.2

budett «будет» 191.18, 209.15, 213.17, 218.14, 239.1, 259.5
budet «будет» 192.20, 238.5, 241.22, 257.21, 262.16, 266.4, 269.9, 275.17, 276.3, 278.12, 288.3, 296.15, 297.3, 300.16, 304.18, 305.17, 306.7, 307.2, 310.2, 315.4, 318.14, 319.1, 322.16, 323.8, 323.9, 331.2, 334.10, 335.20, 343.15, 352.19, 355.10, 356.2, 358.9, 363.11, 364.2, 366.11, 366.12, 368.18, 381.2, 386.5, 389.15, 395.8, 396.3, 397.13, 406.16, 419.18, 441.6, 463.10, 472.9, 474.9, 477.11, 481.16, 491.1
buden «будет» (sic) 482.2
bude «будет» 259.4, 279.15, 302.3, 335.20
budem «будем» 217.15, 323.17
budeti «будете» 499.6
budut «будут» 479.12
sabudett «забудет» 239.2
sbudis «сбудешь» 437.20
sbuditzi «сбудется» 230.8
dabudu «добуду» 290.3, 317.13, 328.8, 329.10, 409.4, 409.15
dabudes «добудешь» 242.20
pribudet «прибудет» 441.17

4. Некоторые именные флексии (у основ на губные).

vi
takovi «таковый» 'таковой' (nom. sg. m.) 207.9
kakovi «каковы» (nom. pl. f.) 219.13
novi «новы» 'новые' (acc. pl. f.) 274.17
chlevi «хлевы» (acc. pl.) 420.1

uŷ
meruŷ «мервы» (gen. sg.) 313.20

bi
rŷbi «рыбы» (nom. pl.) 132.16
rŷbi «рыбы» (gen. sg.) 258.2
ribi «рыбы» (gen. sg.) 194.15, 481.9
pallribi «пал-рыбы» 'камбала' (nom. pl.) 72.4
gubi «губы» (nom. pl.) 86.18
gubi «губы» (acc. pl.) 491.14

bŷ
subŷ «зубы» (nom. pl.) 86.21, 87.8
bes subŷ «без зубов» (acc. pl.?) 482.10
rŷbŷ «рыбы» (acc. pl.) 223.1

bui
besz bosŷbui «без божбы» 208.1

pi
krupi «крупы» (nom. pl.) 64.17
kurpi «курпы» 'башмаки' (nom. pl.) 90.15

mi
dumi «думы» (gen. sg.) 316.10
ffzaimi «взаймы» 359.18

mŷ
timŷ «тимы» 'сафьян' (nom. pl.) 112.9

5. Огубленный рефлекс *ы не после губных согласных.

u = ы

lus «лыс» 78.3

golusniva «голузнива» (или «голушнива»?) 109.7

malumi «малыми» 316.3

toi tzenü «той цены» 315.1, 389.15, 395.12, 432.4

besz meru «без меры» 319.9

bes meru «без меры» 410.17–18

skasuval «сказывал» 229.6, 306.16, 342.3, 353.16, 385.11

omanuvat «обманывать» 179.9, 470.8

ui = ы

ot tzenui «от цены» 376.1

6. Использование некоторых букв в немецком тексте.

ui, 12×

suluige «сам» (совр. н.-нем. *sülvig*, совр. в.-нем. *selbig*) 13.17, 261.20

Dauit «Давид» 48.15

hauig «ястреб» (совр. н.-нем. *Hawik*, *Haavk*, совр. в.-нем. *Habicht*) 67.14

greuinges «барсучий» 'роющий' (совр. н.-нем. *grawen*, совр. в.-нем. *graben*) 111.16

quicksuluert «ртуть» (совр. н.-нем. *Quicksülver*, совр. в.-нем. *Quecksilber*) 120.2

vnhouisch «грубый» (совр. в.-нем. *unhöflich*) 226.3

priuilegia «привилегии» 269.13

scheuich «ветхий» (совр. н.-нем. *scheevsch*, совр. в.-нем. *schäbig*) 282.2, 314.17

houisch «подобаяющий» (совр. в.-нем. *höfisch*) 296.2

quidt «свободный» (совр. н.-нем. *quitt*) 437.21

uÿ, 1×

quÿdt «свободный» 480.6

üi, не отмечено

üÿ, не отмечено

ü, 15×

düt «это, то» (совр. н.-нем. *düt*, *dut*, совр. в.-нем. *dieses*) 1.1

leüte «люди» (совр. н.-нем. *Lüd*, *Lüüd*, совр. в.-нем. *Leute*) 7.4, *lüde* 434.2

für «для» (совр. н.-нем. *för*, *füar*, совр. в.-нем. *für*) 7.7

güdt «хороший» (совр. н.-нем. *gaut*, *goot*, *geot*, совр. в.-нем. *gut*) 14.25

mit tüchtenn «непристойно» (sic?) 89.18, ср. *skoronszkoï* «скоромный» = *tuchtich* 45.20

dünn «тонкий» (совр. н.-нем. *dünne*, *dönn*, совр. в.-нем. *dünn*) 133.9

dün «жидкий» (совр. в.-нем. *dünn*) 135.5

dünner «более жидкий» (совр. в.-нем. *dünner*) 135.6

bedüden «выучить/истолковать» (совр. н.-нем. *düden*, *bedüdden*, совр. в.-нем. *bedeuten*) 180.3

bestür «препятствовать» (совр. н.-нем. *stüren*, совр. в.-нем. *steuern*) 333.4, *bestüredt* 333.17, ср.

написание в предыдущей строке: *besturen* 333.16

tühe «тащи» (совр. н.-нем. *tochen*, *tehn*, совр. в.-нем. *ziehen*) 345.13

lüeg «лги» (совр. н.-нем. *lögen*, *loegen*, *leegen*, *legen*, совр. в.-нем. *lügen*) 363.5

büstu «ты есть» (совр. н.-нем. *büst*, совр. в.-нем. *bist*) 431.11, ср. написание через несколько строк ниже: *bust* 431.16

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Брызгунова 1963 – Е.А. Брызгунова. Практическая фонетика и интонация русского языка. М., 1963.
- Булич (ред.) 1904 – С.К. Булич (ред.). A. Schlözer. Ruzsische Sprachlehre [А. Шлёцер. Русская грамматика]. Ч. 1–2. СПб., 1904.
- Ваахтера 2009 – Й.М. Ваахтера. Эволюция системы гласных фонем в некоторых русских говорах Вологодской области. Helsinki, 2009.

- Галинская 2002 – *Е.А. Галинская*. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М., 2002.
- Глускина, Большакова 1988 – *С.М. Глускина, Н.В. Большакова*. Разговорник Т. Фенне как источник для изучения псковского диалекта XVII века // Псковские говоры в их прошлом и настоящем. Л., 1988.
- А. Дыбо 2011 – *А.В. Дыбо*. Булгары и славяне: фонетические явления в ранних заимствованиях // Слова. Концепты. Мифы: К 60-летию Анатолия Федоровича Журавлева. М., 2011.
- В. Дыбо 2004 – *В.А. Дыбо*. В защиту некоторых забытых или отвергнутых положений сравнительно-исторической фонетики славянских языков // Славянский вестник. 2004. № 2.
- В. Дыбо и др. 1990 – *В.А. Дыбо, Г.И. Замятина, С.Л. Николаев*. Основы славянской акцентологии. М., 1990.
- В. Дыбо и др. 1993 – *В.А. Дыбо, Г.И. Замятина, С.Л. Николаев*. Основы славянской акцентологии: Словарь. Вып. 1: Непроизводные основы мужского рода. М., 1993.
- Зализняк 1993 – *А.А. Зализняк*. К изучению языка берестяных грамот // В.Л. Янин, А.А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.
- Зализняк 1998 – *А.А. Зализняк*. Из наблюдений над «Разговорником» Фенне // ПОЛУТРОПОН: К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М., 1998.
- Зализняк 2004 – *А.А. Зализняк*. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.
- Карский 1928 – *Е.Ф. Карский*. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928.
- Кибрик и др. 1977 – *А.Е. Кибрик, С.В. Кодзасов, И.П. Оловяникова, Д.С. Самедов*. Опыт структурного описания арчинского языка. Т. 1: Лексика, фонетика. М., 1977.
- Кирсанов 2007 – *Н.О. Кирсанов*. Предшественники *ы* в русской топонимике Ингерманландии // *Linguistica uralica*. 2007. Т. 43. № 3.
- Князев 2012 – *С.В. Князев*. Дифтонг? Дифтонгоид? Монофтонг? О неоднородности [ы] в современном русском языке // II Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире». 21–24 марта 2012 г. М., 2012.
- Кодзасов, Кривнова 2001 – *С.В. Кодзасов, О.Ф. Кривнова*. Общая фонетика. М., 2001.
- Комри, Халилов 2010 – *Б. Комри, М. Халилов*. Словарь языков и диалектов народов Северного Кавказа. Сопоставление основной лексики. Лейпциг; Махачкала, 2010. [*B. Comrie, M. Khalilov. Dictionary of languages and dialects of the peoples of the Northern Caucasus. Comparison of the basic lexicon. Leipzig; Makhachkala, 2010.*]
- Крысько 2006 – *В.Б. Крысько*. Исторический синтаксис русского языка. Объект и переходность. 2-е изд. М., 2006.
- Кулешов 2010 – *В.С. Кулешов*. Вокализм ранних славянских заимствований в прибалтийско-финских языках и реконструкция вокалической системы северно-словенского диалекта // V. Ju. Gusev, A. Widmer, A. Klein (eds.). *Gedenkschrift für Eugen A. Helimski (= Finnisch-Ugrische Mitteilungen, Bd. 32/33, Jahrgang 2008/2009)*. Hamburg, 2010.
- Ларин 2002 – *Б.А. Ларин*. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб., 2002.
- Лекомцева, Толстая 1968 – *М.И. Лекомцева, С.М. Толстая*. Фонологический комментарий к полесским диалектам // Полесье. Лингвистика, археология, топонимика. М., 1968.
- Материалы 2004 – Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера. Вып. 1: А–И / Под ред. А. К. Матвеев. Екатеринбург, 2004.
- Минлос 2001 – *Ф.Р. Минлос*. Немецко-русский разговорник Т. Фенне (1607 г.) // Образы России в научном, художественном и политическом дискурсах. Материалы науч. конф. Петрозаводск, 2001.
- Нахтигал 1963 – *Р. Нахтигал*. Славянские языки. М., 1963.
- Николаев 1988 – *С.Л. Николаев*. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. 1: Кривичи // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988.
- Николаев 1989 – *С.Л. Николаев*. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. 1: Кривичи (окончание) // Балто-славянские исследования 1987. М., 1989.
- Николаев 1990 – *С.Л. Николаев*. К истории племенного диалекта кривичей // Советское славяноведение. 1990. № 4.
- Николаев, Хелимский 1990/2000 – *С.Л. Николаев, Е.А. Хелимский*. Славянские (новгородско-псковские) заимствования в прибалтийско-финских языках: -а и -и в рефлексах имен мужского рода // Е.А. Хелимский. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М., 2000.

- [Первая публ. в: *Uralo-Indogermanica*. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. Ч. 1. М., 1990.]
- ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Т. 1–. Л., 1967–.
- Срезневский 1893–1903 – *И.И. Срезневский*. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1–3. СПб., 1893–1903.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Т. 1–. М., 1965–.
- СТРС – *А.К. Матвеев*. Субстратная топонимия Русского Севера. Т. 1–3. Екатеринбург, 2001–2007.
- Тадинова 2006 – *Р.А. Тадинова*. Тюркские лексические заимствования в системе северокавказских языков: Дис. ... докт. филол. наук. М., 2006.
- Тохтасьев 1998 – *С.Р. Тохтасьев*. Древнейшие свидетельства славянского языка на Балканах // Основы балканского языкознания. Языки балканского региона. Ч. 2: Славянские языки. СПб., 1998.
- Тохтасьев (в печати) – *С.Р. Тохтасьев*. Язык трактата *De Administrando Imperio* и его иноязычная лексика, в печати⁵².
- Успенский 1975 – *В.А. Успенский*. Первая русская грамматика на родном языке. Доломоносский период отечественной русистики. М., 1975.
- Успенский (ред.) 1987 – *J. Sohler*. Grammaire et methode russes et françoises, 1724 / Факсимильное изд. под ред. и с предисл. Б.А. Успенского. Bd. 1–2. München, 1987.
- Хелимский 1988/2000 – *Е.А. Хелимский*. Венгерский язык как источник для праславянской реконструкции и реконструкции славянского языка Паннонии // Е.А. Хелимский. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М., 2000. [Первая публ. в: *Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Докл. советской делегации*. М., 1988.]
- Хорошкевич 2000 – *А.Л. Хорошкевич*. К истории создания немецко-русских словарей-разговорников Томаса Шrove и Тенниса Фенне // *Slavia orientalis*. 2000. V. 49. № 1.
- Шевельов 2002 – *Ю. Шевельов*. Історична фонологія української мови. Харків, 2002.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Т. 1–. М., 1974–.
- Bellmann 2004 – *G. Bellmann*. Slawisch-Deutsch (Schwerpunkte) // W. Besch et al. (eds.). Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. 2. Aufl. 4. Teilband. Berlin; New York, 2004.
- Bjørnflaten 2006 – *J.I. Bjørnflaten*. Chronologies of the Slavicization of Northern Russia mirrored by Slavic loanwords in Finnic and Baltic // *Slavica Helsingiensia*. 2006. 27.
- Bolek 1997 – *A. Bolek*. Czy Tönnies Fenne zasuguje na miano pionera slawistyki? // A. Bolek et al. (eds.). Słowianie wschodni. Między językiem a kulturą. Księga jubileuszowa dedykowana Profesorowi Wiesławowi Witkowskiemu w siedemdziesiątą rocznicę urodzin. Kraków, 1997.
- Budziszewska 1991 – *W. Budziszewska*. Zapożyczenia słowiańskie w dialektach nowogreckich. Warszawa, 1991.
- A. Dybo 2007 – *A.V. Dybo*. The phonetic features of Bulgar languages from the data of loan-words // Invited lecture at the Permanent international altaistics conference (PIAC), 50th Meeting, 2007, Kazan.
- Fałowski 1994 – *A. Fałowski*. Ein Rusch Boeck. Ein russisch-deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI. Jahrhundert. Köln; Weimar; Wien, 1994.
- Fałowski 1996 – *A. Fałowski*. «Ein Rusch Boeck...». Rosyjsko-niemiecki anonimowy słownik i rozmówki z XVI wieku. Analiza językowa. Kraków, 1996.
- Fałowski 1997 – *A. Fałowski*. «Einn Russisch Buch» Thomasa Schrouego. Słownik i rozmówki rosyjsko-niemieckie z XVI wieku. Część 2. Transliteracja tekstu. Indeks wyrazów i form rosyjskich. Kraków, 1997.
- Fałowski, Witkowski 1992 – *A. Fałowski, W. Witkowski*. «Einn Russisch Buch» by Thomas Schroue. The 16th-century Russian-German dictionary and phrase-book. Part one. Introduction. Photocopies. Cracow, 1992.
- Hämäläinen, Andrejev 1936 – *M.M. Härmäläinen, F.A. Andrejev*. Vepsa-venähine vajehnik. Leningrad, 1936.
- Hendriks 2011 – *P. Hendriks*. Innovation in tradition. Tönnies Fenne's Russian-German phrasebook (Pskov, 1607). Doctoral thesis, Leiden university centre for linguistics, 7 September 2011.

⁵² Готовящийся комментарий к новому изданию русского перевода сочинения Константина VII Багрянородного «Об управлении империей».

- Hendriks, Schaeken 2008a – P. Hendriks, J. Schaeken. Tönnies Fenne's Low German manual of spoken Russian, Pskov 1607. An electronic text edition. Version 1.1 (July 2008) // <http://www.schaeken.nl>
- Hendriks, Schaeken 2008b – P. Hendriks, J. Schaeken. On the composition and language of three early Modern Russian-German phrasebooks // Dutch contributions to the Fourteenth international congress of Slavists, Ohrid: Linguistics. Amsterdam; New York, 2008.
- Holzer 1995 – G. Holzer. Die Einheitlichkeit des Slavischen um 600 n. Chr. und ihr Zerfall // Wiener slavistisches Jahrbuch. 1995. 41.
- Holzer 2001 – G. Holzer. Zur Lautgeschichte des baltisch-slavischen Areals // Wiener slavistisches Jahrbuch. 2001. 47.
- Holzer 2002 – G. Holzer. Urslawisch // M. Okuka (ed.). Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens. Klagenfurt, 2002.
- Holzer 2003 – G. Holzer. Urslavische Phonologie // Wiener slavistisches Jahrbuch. 2003. 49.
- Holzer 2006 – G. Holzer. Methodologische Überlegungen zur Auswertung der slavisch-baltischen und slavisch-finnischen Lehnbeziehungen für die slavische Siedlungs- und Lautgeschichte // Slavica Helsingiensia. 2006. 27.
- Honselaar 1997 – Z. Honselaar. Следы окончания е и. ед. муж. о-склонения в одном современном гдовском говоре // R Ling. 1997. V. 21. № 3.
- Kalima 1956 – J. Kalima. Die slavischen Lehnwörter im Ostseefinnischen. Berlin, 1956.
- Kallio 2006 – P. Kallio. On the earliest Slavic loanwords in Finnic // Slavica Helsingiensia. 2006. 27.
- Kiparsky 1934 – V. Kiparsky. Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen. Helsinki, 1934.
- Kiparsky 1963 – V. Kiparsky. Russische historische Grammatik. T. 1: Die Entwicklung des Lautsystems. Heidelberg, 1963.
- Kiparsky 1975 – V. Kiparsky. Russische historische Grammatik. T. 3: Entwicklung des Wortschatzes. Heidelberg, 1975.
- Koivulehto 2006 – J. Koivulehto. Wie alt sind die Kontakte zwischen Finnisch-Ugrisch und Balto-Slavisch? // Slavica Helsingiensia. 2006. 27.
- Lehr-Splawiński 1929 – T. Lehr-Splawiński. Gramatyka połabska. Lwów, 1929.
- Lunt 1981 – H.G. Lunt. The progressive palatalization of Common Slavic. Skopje, 1981.
- Lunt 1989 – H.G. Lunt. The progressive palatalization [of] early Slavic: Evidence from Novgorod // Folia linguistica historica. 1989. V. 10. № 1—2.
- Mareš 1956 – F.V. Mareš. Vznik slovanského fonologického systému a jeho vývoj do konce období slovanské jazykové jednoty // Slavia. 1956. 25.
- Mareš 1965 – F.V. Mareš. The origin of the Slavic phonological system and its development up to the end of Slavic language unity. Ann Arbor, 1965.
- Matasović 2008 – R. Matasović. Poredbenopovijesna gramatika hrvatskoga jezika. Zagreb, 2008.
- Matijević Sokol 2007 – M. Matijević Sokol. Krsni zdenac hrvata. Paleografsko-epigrafska raščlamba natpisa s krstionice kneza Višeslava // Croatica christiana periodica. 2007. 59.
- Miklosich 1898 – Fr. Miklosich. Altslovenische Lautlehre. 3. Aufl. Wien, 1878.
- Mullonen 2007 – I. Mullonen. Ancient place names of Obonež'e in the context of ethnic and linguistic contacts // Slavica Helsingiensia. 2007. 32.
- Orel 1998 – V. Orel. Albanian etymological dictionary. Leiden, 1998.
- Orel 2003 – V. Orel. A handbook of Germanic etymology. Leiden, 2003.
- Peters 1973 – R. Peters. Mittelniederdeutsche Sprache // J. Goossens (Hrsg.). Niederdeutsch. Sprache und Literatur. Eine Einführung. Bd. 1: Sprache. Neumünster, 1973.
- Plöger 1973 – A. Plöger. Die russischen Lehnwörter der finnischen Schriftsprache. Wiesbaden, 1973.
- Press 1977 – J.I. Press. The place of the vowel y in the development of the Slavonic languages // The Slavonic and East European review. 1977. V. 55. № 4.
- Press 1986 – J.I. Press. Aspects of the phonology of the Slavonic language. The vowel y and the consonantal correlation of palatalization. Amsterdam, 1986.
- Pronk-Tiethoff 2010 – S. Pronk-Tiethoff. Semantička polja germanskih posuđenica u praslavenskome // Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje. 2010. V. 36. № 2.
- Prowatke 1988 – Chr. Prowatke. Zur graphematischen Analyse historischer schriftlicher Überlieferungen // H.J. Gernert (Hsg.). Untersuchungen zum «Russisch-niederdeutschen Gesprächsbuch» des Tönnies Fenne, Pskov 1607. Ein Beitrag zur deutschen Sprachgeschichte. Berlin, 1988.
- Reiffenstein 2003 – I. Reiffenstein. Aspekte einer Sprachgeschichte des Bayerisch-Österreichischen bis zum Beginn der frühen Neuzeit // W. Besch et al. (eds.). Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur

- Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. 2. Aufl. 3. Teilband. Berlin; New York, 2003.
- Schaeken 1992 – *J. Schaeken*. Zum nordrussischen Nominativ Singular auf -e im Gesprächsbuch des Tönnies Fenne (Pskov 1607) // *Studies in Slavic and general linguistics*. 1992. 17.
- Schiller, Lübben 1875–1881 – *K. Schiller, A. Lübben*. Mittelniederdeutsches Wörterbuch. Bd. 1–6. Bremen, 1875–1881.
- Schwarz 1929 – *E. Schwarz*. Zur Chronologie von asl. $\bar{u} > y$ // *Archiv für slavische Philologie*. 42. 1929.
- Shevelov 1964 – *G. Shevelov*. A prehistory of Slavic. The historical phonology of Common Slavic. Heidelberg, 1964.
- Skach 2008 – *E. Skach*. Die Lautgeschichte des frühen Slavischen in Griechenland im Lichte der Lehnbeziehungen. Ph.D. diss. Wien, 2008.
- Skardžius 1931 – *P. Skardžius*. Die slavischen Lehnwörter im Altlitauischen. Kaunas, 1931.
- Stachowski 2009 – *M. Stachowski*. Eugen Helimskis Materialien zur Erforschung der ältesten slawisch-ungarischen Sprachkontakte // *Studia Etymologica Cracoviensia*. 2009. V. 14.
- Snoj 2009 – *M. Snoj*. Etimološki slovar slovenskih zemljepisnih imen. Ljubljana, 2009.
- SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3. Helsinki, 1992–2000.
- Sussex, Cubberley 2006 – *R. Sussex, P. Cubberley*. The Slavic languages. Cambridge, 2006.
- Svane 1992 – *G. Svane*. Slavische Lehnwörter im Albanischen. Aarhus, 1992.
- TF – Tönnies Fenne's Low German manual of Spoken Russian. Pskov 1607. V. 1: *L.L. Hammerich et al.* Facsimile copy (Copenhagen, 1961). V. 2: *L.L. Hammerich, R. Jakobson*. Transliteration and translation (Copenhagen, 1970). V. 3: *A.H. van den Baar*. Russian-Low German glossary (Copenhagen, 1985). V. 4: *H.J. Gernentz*. Mittelniederdeutsch-neuhochdeutsches Wörterbuch zum russisch-niederdeutschen Gesprächsbuch (Copenhagen, 1986).
- Thomason, Kaufman 1988 – *S.G. Thomason, T. Kaufman*. Language contact, creolization, and genetic linguistics. Berkeley, 1988.
- Unbegaun 1969 – *B.O. Unbegaun*. Drei russische Grammatiken des 18. Jahrhunderts: Nachdruck der Ausgaben von 1706, 1731 und 1750 mit einer Einleitung. München, 1969.
- Vaillant 1950 – *A. Vaillant*. Grammaire comparée des langues slaves. T. 1: Phonétique. Paris, 1950.
- Vaillant 1964 – *A. Vaillant*. Manuel de vieux slave. T. 1: Grammaire. Paris, 1964.
- Vrana 1964 – *J. Vrana*. Glagoljski grafemi Ѡ-Ѣ, ѢѠ-ѢѢ i njihova ćiriljska transkripcija // *Slavia*. 1964. V. 33. № 2.
- Vasmer 1941/1970 – *M. Vasmer*. Die Slaven in Griechenland. Verlag der Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1941. (Zentral Antiquariat der Deutschen Demokratischen Republik. Leipzig, 1970.)
- Vermeer 2000 – *W. Vermeer*. On the status of the earliest Russian isogloss: four untenable and three questionable reasons for separating the progressive and the second regressive palatalization of Common Slavic // *RLing*. 2000. V. 24. № 1.
- Ylli 1997 – *Xh. Ylli*. Das slavische Lehnwort im Albanischen. 1. Teil: Lehnwörter. München, 1997.
- Ylli 2000 – *Xh. Ylli*. Das slavische Lehnwort im Albanischen. 2. Teil: Ortsnamen. München, 2000.

Сведения об авторе:

Алексей Сергеевич Касьян
Институт языкознания РАН,
Центр компаративистики ИВКА РГГУ
a.kassian@gmail.com